

Виктор Алеветдинов

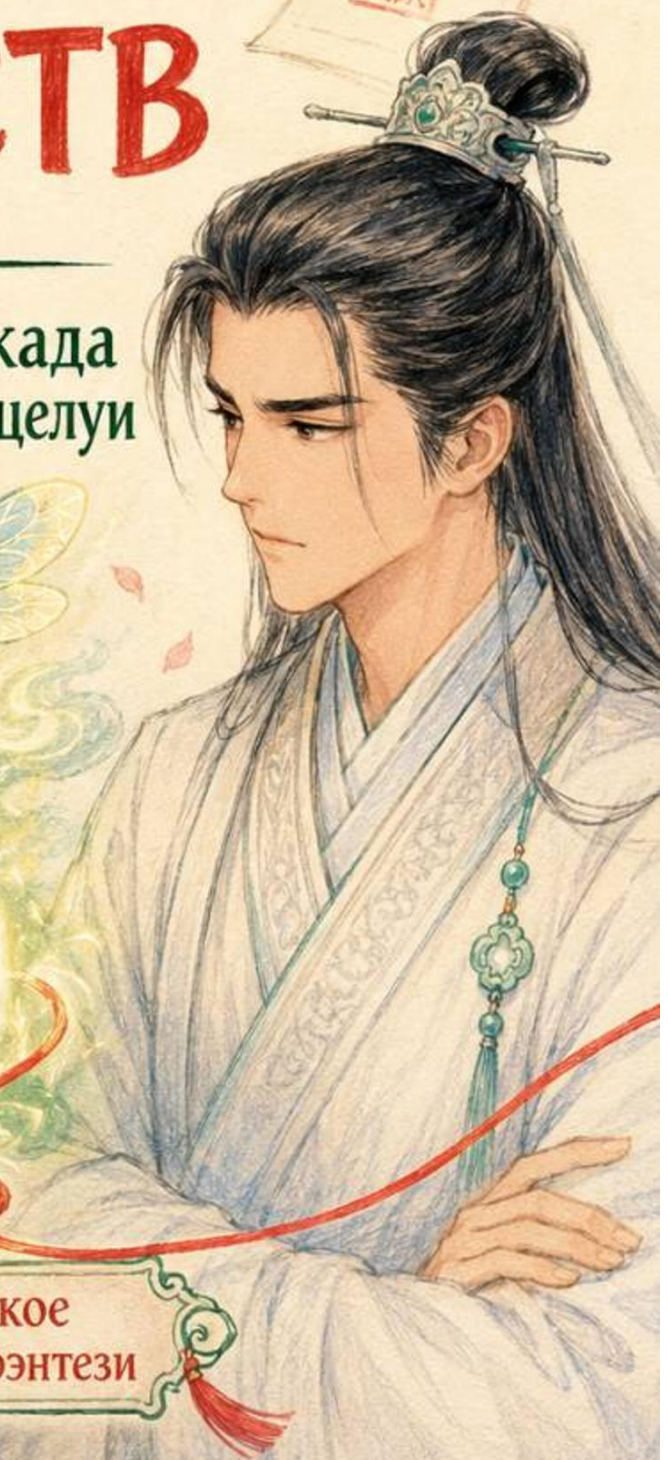

Нефритовое бюро

непризнанных чувств

— или —
Госпожа Цикада
и налог на поцелуи

Юмористическое
романтическое фэнтези

Виктор Алеветдинов

**Нефритовое бюро непризнанных
чувств, или Госпожа
Цикада и налог на поцелуи**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Нефритовое бюро непризнанных чувств, или Госпожа Цикада и налог на поцелуи / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

В империи Юйлань любовь — дело не только сердечное, но и налоговое. Признание нужно оформить, поцелуй — зарегистрировать, а разбитое сердце может стать основанием для проверки. Ли Сяо-Лань, владелица Нефритового бюро непризнанных чувств, расследует сомнительные помолвки и давно не верит в безупречных женихов. Особенно если у жениха нет тени. Вэй Жэнь, инспектор Небесной палаты сердечных обязательств, приходит закрыть её бюро за незаконный архив признаний, неучтённого духа и подозрительно вольное обращение с чужими чувствами. Но вскоре в городе начинают появляться поддельные признания, украденные мечты о браке и печати древнего Безымянного Свата. Чтобы спасти бюро и собственные сердца от чужой воли, Сяо-Лань и Вэйю придётся заключить фиктивную помолвку, пройти Фестиваль десяти тысяч помолвок и выяснить, что опаснее: признаться в любви — или промолчать вовремя.

Содержание

Глава 1. Дело о женихе без тени	5
Глава 2. Инспектор, который не улыбался	10
Глава 3. Поддельное признание настоящего чиновника	16
Глава 4. Дочь министра и три жениха	22
Глава 5. Налог на поцелуй	28
Глава 6. Цикада ест улику	33
Глава 7. Предписание о закрытии	38
Глава 8. Семь дней до брачного аудита	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Виктор Алеветдинов

Нефритовое бюро непризнанных чувств, или Госпожа Цикада и налог на поцелуи

Глава 1. Дело о женихе без тени

Когда дочь лавочника сказала, что её жених слишком идеален, чтобы быть живым, Ли Сяо-Лань не подняла головы от журнала.

— Демон? Оживший покойник? Беглый чиновник Палаты?

— Хуже, — всхлипнула девушка.

Сяо-Лань подняла глаза. Пальцы у клиентки покраснели от холода, на рукаве белела мука.

— Он приносит матушке цветы, помнит, что отец пьёт чай без жасмина, ни разу не опоздал. Когда я уронила корзину с грушами, сказал: «Позвольте разделить с вами это неудобство».

— Подозрительно. И, возможно, просто чиновник.

— Он называет меня «уважаемая будущая супруга».

— Нет, госпожа Ли... то есть госпожа Цикада. Он никогда не спорит, не злится, не смотрит на других девушек. А когда тётушка спросила, сколько детей он хочет, ответил: «Столько, сколько будет эмоционально и хозяйственно оправдано».

В нефритовой печати на столе сухо треснуло.

— Запротоколировано, — объявил тонкий голос. — Приznak тяжёлого романтического неблагополучия.

— Цикада № 108, ты печать, а не врач.

— Я нематериальная сотрудница с правом совещательного стрекота.

В печати жила дух-помощница Цикада № 108 — незарегистрированная и не в меру разговорчивая.

Сяо-Лань придвинула клиентке бланк.

— Имя?

— Хэ Жу. Отец держит лавку «Три булочки и честное слово» у Восточного моста.

— Жених?

— Люй Шэнь. Помощник писаря в управе Южного квартала.

Чернила легли ровно: без дыма и самовольного контракта.

— Вы признавались ему в любви?

— Нет. И он мне тоже. Он сказал, что испытывает «устойчивое намерение к законному сближению семей».

— Почти признание третьей категории, — застрекотала Цикада. — Без свидетелей и луны облагается по сниженной ставке.

Хэ Жу стиснула платок.

— Я не хочу разрушить помолвку. Отец счастлив, матушка заказала красную ткань, соседки говорят, что мне повезло. Просто... когда человек так безупречен, рядом с ним стыдно дышать.

Сяо-Лань перестала писать.

Бюро занимало две комнаты над лавкой старых зонтов. Крыша протекала, шкаф скрипел при слове «искренность», на табличке значилось: «Разбитое сердце регистрируем только при наличии свидетеля». Почти правда.

— Стыдно дышать — хороший повод для проверки. Любовь не должна делать человека младшим писарем при собственном страхе.

— Значит, вы возьмётесь?

— Сначала тариф. Подпишите согласие на добрачное наблюдение: без вскрытия переписки, допроса умерших родственников и проверки поцелуев. Чужая бухгалтерия нежности — отдельно.

— А если он окажется хорошим?

— Узнаете, что боитесь не его, а счастья.

— А если плохим?

— Зарегистрируем ущерб. Компенсация небольшая, зато печать красивая.

Хэ Жу улыбнулась. Сяо-Лань прижала к свитку печать бюро. Нефрит потеплел в ладони; Цикада промолчала, значит, подпись была честной.

— Где сегодня будет жених?

— На рынке брачных амулетов. Тётушка выбирает нам оберег верности.

— Отличное место для человека без тайн.

— Я не говорила, что у него есть тайны.

Сяо-Лань накинула плащ.

— Идеальность сама по себе тайна, Жу.

У двери девушка остановилась.

— Госпожа Цикада... вчера он стоял у нашей лавки. Солнце было низкое, у всех тени тянулись по земле, как лапша. А у него тени не было.

Рынок брачных амулетов открывался до полудня: чувства, как уверяли торговцы, лучше подделывались на свежую голову. Сяо-Лань шла между красных лент и подержанных обетов и прислушивалась. Когда человек врал себе, рядом с ней начинали петь невидимые цикады. На рынке стрекот стоял плотный, деловой.

У подноса с брачными шпильками она увидела в отражении молодого мужчину в сером чиновничьем халате.

Люй Шэнь выглядел так, как должен выглядеть жених, от которого у будущей супруги немеет душа: ровная осанка, спокойные руки, бережная улыбка. Рядом с ним на камне не было тени.

У всех вокруг тени падали, дрожали, цеплялись за ноги. У Люй Шэня — пустое место, аккуратное и невозможное.

— Мне нужен не жених, а правда, — сказала Сяо-Лань продавщице шпилек.

— Правда дороже. И хуже сидит на голове.

Она положила монету и пошла следом.

Люй Шэнь расстался с тётушкой у ряда фонарей и свернул не к Южной управе, а в переулок, где торговали вещами без приличных названий. Он вошёл под навес без вывески; на косяке висела чёрная кисточка из конского волоса. Сяо-Лань знала этот знак: сделки с тем, что Небо считало частью личности. Голос. Удача. Последний сон перед свадьбой. Тень.

Она подождала семь ударов сердца и скользнула к щели между досками.

Внутри пахло пылью, тушью и нагретым железом. Люй Шэнь стоял перед низким столом. Напротив сидел человек в широкополой шляпе; на столе лежала тень, свёрнутая тёмным полотном.

— Срок договора истекает после свадьбы, — говорил Люй Шэнь. — Вы обещали, что репутация сохранится до брачной ночи.

— Сохранится. Вы будете казаться почтительным, надёжным и подходящим для семьи Хэ.

— Я и так подхожу.

Невидимые цикады застрекотали тонкой серебряной нитью.

— Тогда зачем продлевать?

Люй Шэнь долго молчал.

— Когда я сам собой, я говорю лишнее. Смеюсь не вовремя. Завидую. Спорю с будущим тестем о цене муки. Однажды сказал Жу, что боюсь бедности больше, чем одиночества. Хороший муж не должен пугать жену мелкими страхами.

Вот оно. Не демон. Не мертвец. Обычный человек, решивший, что любовь можно заслужить, если удалить всё живое.

— Хороший муж, — сказал человек в шляпе, — удобен.

Цикады смолкли.

В этих словах не было ни лжи, ни правды. Они прозвучали как пустая форма, в которую можно налить что угодно.

Человек протянул Люй Шэню свиток.

— Подпишите. Доплата после помолвочного ужина.

— А тень?

— Останется у нас до полного исполнения условий.

Люй Шэнь наклонился к свитку.

Сяо-Лань толкнула дверь.

— Не советую.

— Кто вы? — вздрогнул жених.

— Добрачная неприятность.

На свитке значилось: «Временная уступка теневой составляющей личности в обмен на устойчивое общественное впечатление». Ниже шли условия: умеренность, почтительность, предсказуемость, отсутствие неловких признаний.

— Какая гадость. И как аккуратно оформлена.

— Я не хотел обмануть Жу, — сказал Люй Шэнь.

— Нет. Вы хотели подsunуть ей себя без тех частей, которые могут ей не понравиться.

— Она достойна лучшего.

— Она достойна настоящего. Лучшее пусть покупают министры для портретов.

Человек в шляпе поднялся.

— Сделка добровольна. Ущерб не зарегистрирован.

— Какой знакомый запах: пыль, страх и канцелярская подлость.

Движение рукава — и тень рванулась вверх, как тёмная рыба. Навес погас: свет будто споткнулся о порог. Сяо-Лань схватила чернильницу и плеснула в тень.

Чернила были обычные, с примесью сажи. Но тень помнила форму, а чернила любили её фиксировать. Полотно распласталось по стене и на миг приняло силуэт Люй Шэня — сутулый, испуганный, настоящий.

Сяо-Лань ударила печатью бюро по краю свитка.

Нефрит вспыхнул зелёным. Из печати вылетел крошечный силуэт с крыльями, похожими на прозрачные листы жалобной книги.

— Акт вмешательства в сомнительную сделку! — завопила Цикада № 108. — Не двигаться, не каяться и не совершать дополнительных чувств без уведомления!

Человек в шляпе отступил к задней двери.

— Вы превышаете полномочия.

— У меня маленькое бюро. Полномочия приходится растягивать.

Она бросилась за ним, но в переулке остался только запах красной сургучной печати.

Люй Шэнь смотрел на свою тень, пришпиленную чернилами к стене. Без неё он казался не идеальным, а обворованным.

— Она меня возненавидит.

— Возможно. А возможно, рассердится и спросит, почему вы решили за неё, какого мужа она выдержит. Живые люди иногда так делают.

— Я хотел стать достойным.

— Нет. Вы хотели стать безопасным.

Цикада обнюхала чернильные края тени.

— Рекомендую вернуть владельцу. Хранение отделённой тени без лицензии грозит браком с человеком, который полюбит вашу маску.

Сяо-Лань уже смотрела на пол у задней двери. Там отпечатался круглый след печати. Красный, не рыночный и не сватовской. В центре виднелись облака, весы и маленький иероглиф «обязательство».

Печать Небесной налоговой.

Сяо-Лань вытерла палец о старую расписку, и внутри у неё стало тихо.

— Цикада, забирай свиток. И не ешь.

— Я оскорблена подозрением.

— В прошлый раз ты съела брачный контракт, потому что он пах сожалением.

— Сожаление было превосходного качества.

Сяо-Лань спрятала отпечаток в конверт. За стеной рынка Юйлань покупал чувства, боялся правды и оформлял надежду в трёх экземплярах. Но Небесная налоговая не занималась мелкими тенями без причины.

Когда она вернулась в бюро, дверь была приоткрыта. Пахло свежим сургучом. На столе лежал свиток из плотной белой бумаги; красная печать прижимала его к дереву, как капля крови.

— Уведомление! — завопила Цикада. — Без входящего номера и предварительного поклона учреждению!

Печать была настоящая: Небесная палата сердечных обязательств, подразделение проверок. Такие уведомления нельзя было сжечь, утопить, съесть или выдать за приглашение на чай. Они помнили адресата.

— Не трогайте, — прошептала Цикада.

— Почему?

— Вдруг там требование о моей регистрации.

— Вот теперь точно трону.

Свиток сам развернулся до пола и сухо кашлянул официальным голосом:

— Уведомление о внеплановой проверке субъекта частной эмоционально-расследовательской деятельности, именуемого «Нефритовое бюро непризнанных чувств».

Цикада рухнула на чернильницу.

— Мы погибли.

— Молчи.

— В случае выявления нарушений возможны: приостановление деятельности, изъятие архивов, сбор за неучтённые признания, налог на профессиональное сочувствие и конфискация незарегистрированных духов-свидетелей.

Сяо-Лань читала дальше. Проверка назначалась на завтрашнее утро. Основание: хранение чужих признаний без лицензии, самовольное толкование почти-поцелуев и вмешательство в сделки под наблюдением Палаты.

Сделки под наблюдением Палаты.

Значит, отпечаток на рынке был не случайной грязью от чужой печати.

— Руководитель, — тихо сказала Цикада. — У нас есть незаконный архив?

Сяо-Лань повернулась к шкафу. Шкаф ответил всеми щелями.

— У нас есть временно не классифицированные материалы.

— А незарегистрированные признания?

— Ответственное хранение.

— А журнал поцелуев?

— Журнал спорных событий, которые стороны ошибочно приняли за поцелуй.

Цикада подлетела к шкафу.

— Нужно уничтожить компрометирующие чернила.

— Даже не думай.

Поздно. Она откусила угол первого листа и тут же икнула. На стол выпала клякса: «Я ревновала тебя даже к твоей урне».

— Трогательно, — сказала Цикада. — И фискально опасно.

Сяо-Лань перечитала уведомление. Кто-то продавал людям идеальные роли вместо живых частей души. Кто-то пользовался печатью Небесной налоговой. И теперь тот же кто-то направлял проверку в бюро, где лежали свиток с рынка, красный отпечаток и десятки чужих признаний.

— Придётся прибраться.

— Сжечь?

— Разложить.

— Подделать?

— Подписать.

— Съесть?

— Ещё раз попробуешь — оформлю отпуск без содержания в чайнике.

Сяо-Лань начала список нарушений: лицензия на сочувствие отсутствует, дух не оформлен, незаверенные вздохи хранятся без описи. Отдельно добавила: «Печать Палаты на сделке с тенью».

Чернила потемнели.

Свиток на полу шевельнулся. Красные иероглифы проступили один за другим.

Назначенный инспектор: Вэй Жэнь.

Цикада перестала шуршать.

Сяо-Лань знала это имя. Вэй Жэнь штрафовал храмы за безучётную благодать, вдовцов — за просроченные обещания, женихов — за пропущенный штрих в слове «навсегда». Говорили, он никогда не улыбался.

— Завтра, значит.

— Есть предложение, — пискнула Цикада. — Закройте бюро сегодня. Я съем архив, вы смените имя, шкаф уйдёт в монастырь.

— Нет. И спрятать тебя поздно: ты указана как возможный предмет конфискации.

— Я не предмет! Я нематериальная сотрудница с правом на страх!

Сяо-Лань взяла нефритовую печать в ладонь. Та была тёплой, живой, возмущённой. Нелегальной. Как и половина хорошего в этом городе.

Она перевела взгляд с красного следа сургуча на столе на конверт с отпечатком с рынка.

Две печати. Одна система. Один инспектор.

За окном Юйлань зажигал фонари. Невидимые цикады тонко зазвенели, но Сяо-Лань едва слышала их за собственным сердцем.

Оно билось не испуганно, а рабоче.

— Цикада, доставай дело Люй Шэня. И список всех клиентов, которые за последний месяц жаловались на чересчур удобных женихов.

— Это подготовка к проверке?

— Нет. Это подготовка к войне в рамках допустимого делопроизводства.

Сяо-Лань обмакнула кисть в чернила. На чистом листе она написала имя инспектора.

Вэй Жэнь.

И поставила рядом маленькую точку — начало расследования.

Глава 2. Инспектор, который не улыбался

Вэй прибыл к Нефритовому бюро непризнанных чувств за семь ударов до назначенного часа и счёл допустимым.

Опоздание было нарушением, ранний приход мог выглядеть давлением. Семь ударов оставались в служебных пределах: уважительно для Палаты и недостаточно рано для жалобы.

Лестница над лавкой старых зонтов сразу дала материал для протокола: засохший лепесток пиона, обрывок красной брачной нити и надпись: «Не верь тем, кто обещает без свидетелей». Вэй отметил неприемлемое состояние прохода и эмоциональную агитацию.

На двери висела табличка: «Нефритовое бюро непризнанных чувств». Ниже другим почерком добавили: «Разбитые сердца принимаются по вторникам. Свежие обиды — без очереди».

Эмоциональное уклонение третьей степени, решил Вэй.

Он поправил левый рукав. На поясе висела служебная печать, в футляре — шёлковый свиток с перечнем нарушений: тридцать два пункта, четыре приложения и пустой раздел.

Вэй не любил пустые разделы. Они провоцировали мир.

За дверью что-то стукнуло.

— Нет, шкаф не считается свидетелем, если молчал по причине древесного происхождения, — сказал женский голос.

— Шкаф проявлял эмоциональную вовлечённость через скрип! — возразил второй, тонкий и стрекочущий.

Вэй выдохнул. Учреждения, где спорили с мебелью до начала проверки, обычно требовали отдельной папки.

Он постучал три раза.

Тишина длилась чуть дольше, чем положено невиновному учреждению. Потом дверь открылась.

Ли Сяо-Лань оказалась ниже, чем он ожидал, и спокойнее, чем надеялся отдел внеплановых проверок. Тёмно-зелёное платье, закатанные рукава, полоса туши на щеке. Взгляд — внимательный, не почтительный.

Это было первым осложнением.

Люди, которые боялись закона, смотрели на печать. Те, кто надеялся договориться, — на рукава, обувь, кошель. Ли Сяо-Лань посмотрела ему в глаза, потом на футляр, потом на левый манжет.

— Вы пришли на семь ударов раньше, инспектор Вэй. Это угроза или особая форма вежливости?

— Это точность.

— Опасное качество. У нас лестница к нему не привыкла.

— Лестница не является субъектом эмоционального права.

— В этом доме многие начинали без прав. Проходите. Только не наступите на папку с посмертной ревностью.

Бюро выглядело так, будто буря прошла через архив брачных катастроф и осталась жить у окна. На столе лежали свитки, печати и три чашки, одна дымилась фиолетовым. У стены стоял шкаф, перевязанный красной лентой. По полу тянулись дела: «поцелуй был лечебный», «луна сама на него посмотрела». На подоконнике сушились отпечатки теней.

Вэй распределил увиденное: нарушение хранения документов, пожарная опасность, следы теневой сделки, чай неизвестной активности, шкаф к опросу или изъятию.

— У вас беспорядок.

— У нас рабочая среда.

- Рабочая среда должна позволять отличить улику от завтрака.
Сяо-Лань окинула стол взглядом.
- Завтрака у нас нет. Значит, всё улика.
Из нефритовой печати послышался восхищённый стрекот.
- Это Цикада № 108?
- Зависит от того, с какой целью вы интересуетесь.
- С целью проверки законности пребывания духа в частном учреждении.
Печать подпрыгнула.
- Пребывания? Я осуществляю канцелярско-свидетельское содействие в условиях недофинансирования.
- Вэй вынул шёлковый свиток.
- Начнём с осмотра.
- А чай?
- Приём чая во время проверки создаёт видимость неформального расположения.
- Чай как путь к падению нравов через жасмин. Понимаю.
- Госпожа Ли, проверка может завершиться закрытием бюро, изъятием архивов и доначислением сборов за неучтённые эмоциональные операции.
- Вы говорите так, будто это должно меня напугать.
- Это должно вас проинформировать.
- Тогда я проинформирована, но не улучшена.
- Внутри печати коротко фыркнули. Шкаф скрипнул.
- Первым делом, — сказал Вэй, — я опрошу духа.
- Цикада № 108 потребовала гонорар до того, как Вэй успел задать первый вопрос.
- Она вылезла из печати целиком: прозрачные крылья дрожали, брюшко светилось чернильной синевой, лапки были сложены с важностью младшего министерства.
- Дух-свидетельница Цикада № 108, назовите основание вашего пребывания в Нефритовом бюро.
- Сначала уточним статус. Я свидетельница, сотрудница, предмет, пострадавшая сторона или культурное достояние с повышенной пользой?
- Ваш статус подлежит установлению.
- Тогда до установления статуса я не могу давать показания без риска самообесценивания.
- Сяо-Лань кашлянула в кулак.
- Вы зарегистрированы в Реестре духов, участвующих в фиксации сердечных обязательств?
- Я подала заявление.
- Когда?
- При прежней династии.
- Ответ уклончив.
- Династия тоже уклонялась. От налогов, в основном.
- Кисть Вэя замерла над свитком. Сяо-Лань заметила.
- Вэй Жэнь выглядел собранным, как нож в ножнах, и замечал всё. Сяо-Лань не любила таких людей: они иногда оказывались правы.
- Цикада, отвечай по существу.
- Прошу зафиксировать давление руководства на нематериальную сотрудницу.
- Зафиксирую тебе отсутствие ужина.
- Цикада ответила:
- Я проживаю в печати бюро, оказываю свидетельские услуги, перевариваю чернила, предупреждаю о сомнительных признаниях и поддерживаю моральный климат.

— Моральный климат?

— Без меня здесь были бы только она, шкаф и чужие страдания. Это вредно для древесины.

Шкаф тихо скрипнул.

— Получаете оплату?

— Нерегулярно. Чернила низкого качества, чай не предусмотрен, отпуск в сезон линьки отклоняется под предлогом «ты не линяешь, ты печать».

— Значит, трудовые отношения не оформлены.

Цикада ткнула лапкой в сторону Сяо-Лань.

— Вот! Требую внесения в штат.

— Поздравляю, — сказала Сяо-Лань. — Вы дали ему то, чего я избегала три года: юридическую надежду.

— Надежда не является юридическим фактом, пока не выражена в обязательстве.

— Скажите это половине Юйланы. Вторая половина уже судится с первой именно из-за надежды.

Вэй отложил кисть.

— Вы ведёте деятельность в области сердечных обязательств. Вы обязаны различать чувство, намерение, признание и юридическое обещание.

— Я понимаю её лучше большинства ваших коллег. Чувство — то, с чем человек приходит ночью, когда ему стыдно. Намерение — то, что он говорит днём, чтобы выглядеть прилично. Признание может сломать ему жизнь. А юридически значимое обещание — то, из чего Палата делает квитанцию.

В бюро стало тихо. Сяо-Лань не собиралась говорить так прямо. Рядом с этим человеком хотелось или шутить, или бросаться чашками.

— Определение эмоционально пристрастно, но структурно небезосновательно, — сказал Вэй.

— Это у вас комплимент?

— Предварительная оценка.

Он снова взял кисть.

— Проверяемая сторона демонстрирует знание предметной области, склонность к произвольному толкованию норм и повышенную способность к дестабилизации процедуры.

— Перевожу, Цикада: я ему понравилась.

Цикада восторженно застрекотала.

— Неверно. Я отметил, что вы опасно квалифицированы.

Сяо-Лань задавила улыбку.

— Опасно квалифицирована. Надо вышить на вывеске.

— Не рекомендую. Это привлечёт дополнительную проверку.

Цикада подняла лапку.

— Прошу внести в протокол: между сторонами возникло словесное столкновение с признаками взаимного интереса.

— Цикада.

— Что?

— Чернильница.

Цикада спряталась за печатью.

Вэй свернул часть свитка.

— Допрос духа продолжим после осмотра архивов.

— Архивы содержат личные сведения клиентов, — сказала Сяо-Лань.

— Именно поэтому их надо зарегистрировать.

— Люди приходят ко мне не затем, чтобы их снова превратили в строки.

— Люди часто приходят туда, где им обещают освобождение от закона. Обычно это заканчивается ущербом.

— А иногда закон сам и есть ущерб. Просто с хорошей печатью.

Вэй выдержал паузу так, будто пауза тоже имела номер, вес и срок хранения.

— Покажите архив.

Шкаф скрипнул заранее.

У незаконных архивов была особая тишина: они не молчали, а задерживали звук. За створками стояло сдержанное дыхание чужих фраз, произнесённых слишком поздно, слишком рано или не тому человеку.

— До осмотра предупреждаю: часть материалов передана мне под условием тайны.

— Тайна не отменяет требований Палаты.

— А Палата не отменяет стыда.

— Стыд не является основанием для уклонения от регистрации.

— Вы говорите так, будто никогда его не испытывали.

Внутри у Вэй дрогнуло что-то лишнее. До лица он этому дойти не позволил.

— Откройте шкаф.

На полках лежали свитки, письма, тканевые мешочки, таблички, конверты, высушенный лотос, две чашки с трещинами и маленький башмачок с синей нитью. На каждом предмете была бирка рукой Сяо-Лань.

«Не вскрывать, пока госпожа Цзян сама не решится».

«Вернуть, если жених научится говорить нет матери».

«Проверить: обещание пахнет чужой весной».

«Не признание. Страх одиночества. Объяснить мягко».

Вэй взял ближайший свиток. Печати Палаты на нём не было.

— Незарегистрированное признание.

— Непроизнесённое.

— Тем более.

— Вы регистрируете даже то, что человек не смог сказать?

— Если оно передано в письменном виде, снабжено адресатом и способно породить обязательство, да.

— А если оно передано мне, чтобы обязательство не родилось?

— Тогда вы вмешиваетесь в естественный порядок оформления.

— Как красиво вы называете чужую панику.

Вэй прикрепил к полке красную ленту.

— Нарушение первое: хранение признаний без лицензии Палаты. Нарушение второе: отсутствие журнала движения сердечных обязательств.

— Журнал есть.

Сяо-Лань достала толстую тетрадь: «Журнал тех случаев, когда люди пришли за правдой, а получили её вопреки собственным возражениям».

Вэй закрыл тетрадь.

— Это не утверждённая форма.

— Зато честная.

— Честность не заменяет формы.

— Иногда форма заменяет честность. Вам это не мешает?

Бюро было рассадником неучтённых эмоций, но не лавкой обмана. Скорее полем после боя, где собирали раненые слова. Именно поэтому учреждение было опасно: нарушение из убеждения пускает корни.

— Люди приходят к вам с документами, способными изменить их юридическое положение.

— Люди приходят ко мне, потому что боятся. Ваш закон умеет услышать слово «люблю», но не умеет спросить, почему оно сказано. Поцелуй у вас становится облагаемым событием, разбитое сердце — делом с номером, но ни одна форма не отличит любовь от желания не остаться одной зимой.

— Для этого существуют эксперты Палаты.

— Эксперты Палаты однажды признали «вечной привязанностью» записку купца, написанную под угрозой скалки. Брак расторгли через девять лет и двух детей.

Вэй замолчал. Этого дела он не знал. Или знал под другим номером — без людей, оставшихся за строками протокола.

— Вы подменяете закон личным суждением.

— Нет. Я ставлю личное суждение между человеком и законом, когда закон идёт слишком быстро.

— Вы не уполномочены.

— Знаю.

Она сказала это без вызова. Просто. Как факт, который давно стоял рядом со шкафом и протекающей крышей.

Вэй развернул свиток предписаний.

— Нефритовому бюро непризнанных чувств выдаётся предписание об устранении нарушений. Срок — семь дней.

Цикада в печати застонала.

— Семь дней? Это административная казнь с отсрочкой!

— По истечении срока вы обязаны предоставить лицензию на хранение документов, зарегистрировать дух-помощницу, составить журнал по форме ПСО-14 и прекратить самостоятельное толкование сердечных ущербов.

Сяо-Лань молчала. Прежняя резкость была понятна, а молчание собиралось не вокруг страха, а вокруг решения.

— Если я откажусь?

— Бюро будет закрыто.

— А архив?

— Изъят.

— А клиенты?

— Уведомлены в установленном порядке.

— То есть девушка, которая просила не отправлять письмо жениху, получит уведомление от Палаты? Отец получит копию, жених узнаёт, соседи тоже. Зато форма будет сыта.

Вэй сжал край свитка.

— Закон не отвечает за сплетни.

— Удобная формулировка. Её можно вышить на воротах Палаты.

Он поставил печать на предписание. Красный знак вспыхнул на бумаге. Шкаф скрипнул так, будто ему прищемили память.

— Семь дней, — сказал Вэй. — Это больше, чем предписывает инструкция.

— Почему?

Вэй сам не знал, почему сказал семь, а не три. Дух был связан с печатью устойчиво, архив требовал описи, а дело о теневой сделке с печатью Палаты не укладывалось в обычную схему. Ещё была фраза Сяо-Лань о людях, которые приходят не за законом, а за правдой.

Все причины были непригодны для протокола.

— По моему усмотрению.

— Значит, оно у вас всё-таки есть.

— Что?

— Усмотрение.

Вэй отвернулся к шкафу.

На нижней полке, за коробкой с высушенным лотосом, лежал узкий свиток без бирки. Это само по себе было несоответствием: Сяо-Лань подписывала всё, даже нелепые чашки и башмачок. Он вынул свиток двумя пальцами.

Бумага была дорогая, с серебряной пылью по краю. Печати не было, но от свитка тянуло знакомой ци — строгой, холодной, как утренний нефрит.

Его собственной.

Вэй развернул свиток.

Первые строки были написаны его почерком.

Безукоризненно.

«Я, Вэй Жэнь, инспектор Небесной палаты сердечных обязательств, признаю наличие устойчивого чувства, не подлежащего служебному отрицанию...»

Он перестал дышать.

— Что это? — спросила Сяо-Лань.

Внизу стояла его подпись. Дата — завтрашняя. Чернила тихо светились красным, будто документ не был написан, а ждал, когда его вина догонит время.

— Инспектор?

В её голосе исчезла насмешка. Осталась настороженность.

Вэй свернул свиток, но поздно: она увидела подпись.

Цикада высунулась из печати.

— О, — сказала она с благоговейным ужасом. — Проверяющий принёс собственное нарушение?

— Я этого не писал, — произнёс Вэй.

Каждое слово далось ровно. Слишком ровно.

Сяо-Лань смотрела на него, и впервые за всё утро он не мог классифицировать её выражение. Не торжество. Не страх. Не насмешка.

Интерес.

Живой, острый, безжалостный.

— Тогда, инспектор Вэй, — сказала она, — похоже, ваш закон пришёл проверять не только моё бюро.

Свиток в его руке дрогнул и сам, без разрешения, дописал внизу ещё одну строку:

«Адресат признания устанавливается при активации».

Глава 3. Поддельное признание настоящего чиновника

Вэй Жэнь знал восемнадцать способов проверить подлинность признания и ни одного — перестать злиться, когда признание подписано его именем.

Бюро шумело неестественно живо: шкаф скрипел, нефритовая печать с незаконным духом постукивала по столу, а Ли Сяо-Лань стояла у окна и не торжествовала. Она смотрела на свиток так, как дознаватель смотрит на нож, которым ещё пахнет чужая ладонь.

— Положите его на стол, — сказал Вэй.

Вэй расстелил белую ткань и прижал углы свитка серебряными шпильками. Бумага дрогнула, но не сопротивлялась. Настоящее признание всегда имело волю. Этот свиток лежал слишком послушно.

— Почему документ с моей подписью оказался в вашем архиве?

— Первая версия: вы тайно влюблены, но забыли поставить входящий номер. Вторая: подбросили его сами, чтобы закрыть бюро красивее. Третья: кто-то хочет, чтобы первые две минуты мы думали именно об этом.

Вэй поднял взгляд. Она была права.

— Проверка по протоколу ПСО-19. Вы не прикасаетесь к свитку и не позволяете духу есть доказательство.

Цикада № 108 вылетела из печати.

— Я ем только доказательства низкого качества.

— Ещё слово, — сказала Сяо-Лань, — и я сдам тебя инспектору как образец эмоциональной плесени.

Цикада исчезла.

Вэй достал иглу из кости небесной рыбы и коснулся первой строки. Чернила вспыхнули синим: официальный стиль. Подпись отзывалась красным: личная ци.

— Текст составлен по форме признания, способного породить сердечное обязательство, — сказал он.

— Удобно. Можно влюбить человека без его участия.

— Нельзя. Признание без воли субъекта недействительно.

— Тогда почему вы побледнели?

— Поддельный документ может быть действителен до оспаривания, если в нём использована подлинная жизненная ци.

Сяо-Лань больше не шутила.

— Ваша?

— Это предстоит установить.

Он положил на свиток зеркало с надписью: «слово помнит источник». В тёмном стекле проступили его рука, манжета, служебная печать, кисть, выводящая строки признания.

Но вчерашний вечер Вэй помнил: отчёт по спорному поцелую, чай без сахара, исправления в деле о посмертной ревности, сон с двадцать третьего удара ночного барабана до пятого утреннего.

Он не писал этого.

— Зеркало показывает след источника, — сказал он.

— Тогда источник — вы.

— Нет.

Слово прозвучало слишком резко.

— Инспектор, я не спрашиваю, хотите ли вы быть источником. Я спрашиваю, что говорит предмет.

— Свиток создан из моей жизненной ци.

Из печати донёсся крошечный похоронный треск.

— Такую ци можно взять без ведома?

— У человека, чьи документы проходят через Палату и чья печать часто соприкасается с сердечными обязательствами, — да.

— То есть у вас. Или у любого хорошего инспектора.

Вэй провёл ладонью над свитком. Бумага потеплела, строки проступили вторым слоем:

«...признаю наличие устойчивого чувства...»

«...адресат признания устанавливается при активации...»

Ниже появилась приписка:

«До момента оспаривания субъект считается связанным предварительным сердечным обязательством».

— Как мило, — сказала Сяо-Лань. — Вас пытаются влюбить с предварительным уведомлением.

— Это не любовь.

— Конечно нет. Это нападение, одетое в свадебный халат.

Собственная ци внутри чужой бумаги тянулась к Вэю тонкой нитью под рёбрами. Не больно. Хуже. Законно. Если заберёт документ — признаёт связь. Если оставит — позволит активировать. Если уничтожит — нарушит процедуру.

— Что будет, если его активируют?

— Я юридически окажусь влюблён.

— Поздравляю предварительно, — высунулась Цикада.

Вэй повернул голову к печати. Цикада исчезла.

— А фактически? — спросила Сяо-Лань.

— Палата будет считать обязательство подлинным до оспаривания. При публичной активации возможны штраф, отстранение и брачные последствия.

— Это серьёзно.

— Я вижу.

И она действительно видела: не стала шутить дальше.

Вэй сложил свиток в футляр.

— Документ изымается.

— Нет. Он найден в моём архиве и связан с делом о тени. Если вы заберёте его один, завтра он исчезнет, а послезавтра окажется, что я его подделала.

— Вы обвиняете Небесную палату?

— Я обвиняю мерзавца, который умеет пользоваться её печатями.

Вэй убрал её руку с крышки футляра. Пальцы у неё были прохладные, с пятном туши у ногтя. Никаких искр, никакого стрекота, никакого смысла, кроме процедурного. Тем не менее он отпустил её слишком аккуратно.

— Документ будет храниться под двойной печатью. Моей и вашей.

— Значит, доверяете?

— Нет. Снижаю риск фальсификации.

Вэй поставил свою печать. Сяо-Лань прижала рядом нефритовую печать бюро. Красный и зелёный отпечатки коснулись краями.

Свиток внутри футляра тихо засмеялся бумажным шорохом.

И Вэй понял: кто бы ни создал это признание, он рассчитывал, что теперь они не смогут разойтись далеко.

Чайная тётушки Ма называлась «Три развода и одно печенье». Сяо-Лань пришла туда после полудня, когда Вэй ушёл «для внесения промежуточного отчёта». Футляр с признанием остался в бюро, заперт двумя печатями и посажен в чайник без носика.

Тётушка Ма чистила кровати с видом женщины, разорвавшей больше помолвок, чем некоторые министерства регистрировали браков.

— Госпожа Цикада, если ты пришла занимать деньги, я умерла.

— Тогда кто чистит кровати?

— Мой печальный дух. Что будешь?

— «После развода».

— Ты не была замужем.

— Утро было тяжёлое.

— Жених без тени продал её за идеальную репутацию, — сказала Сяо-Лань. — На сделке — след печати Небесной налоговой. Сегодня пришёл инспектор. В шкафу нашлось признание с его подписью. Проверка показала его жизненную ци.

Тётушка Ма перестала чистить кровать.

— Вэй Жэнь? Тот, который оштрафовал храм за благодать?

— Он называет это восстановлением отчётности.

— Такие мужчины даже падение с лестницы оформляют как вертикальное перемещение с неблагоприятным исходом.

— Ты слышала о поддельных признаниях?

— За месяц — трое. Вдова получила письмо от покойного мужа с предложением повторного брака. Купец уверял, что признался поставщице риса, хотя всю жизнь любил только прибыль. У свахи Лю появилось признание от министерского повара — излишне официальное для повара.

— Все выглядели настоящими?

— Почти. Настоящая печаль пишет криво, страх мажет чернилами. А эти — гладкие, правильные. Такие, что хочется не плакать, а подавать в канцелярию.

— Безымянный Сват?

Тётушка Ма медленно потянулась к чайнику.

— Кто тебе сказал это имя?

— Никто. Но я видела сделку с тенью. Человек в шляпе сказал: «Хороший муж удобен». Без лжи. Без стрекота. Как пустая форма.

Старуха налила себе кипятку без заварки.

«Молчаливый развод», отметила Сяо-Лань. Значит, всё плохо.

— В городе снова заговорили о нём. Тихо. Среди свях, которым снятся бумажные лица.

— Я думала, Безымянный Сват — сказка для невест.

— Сказки редко живут долго, если никого не едят.

— Он ел невест?

— Хуже. Выбор.

За соседним столом мужчина объяснял другу, что жена ушла из-за «разницы в философии хранения носков». Невидимые цикады застрекотали так громко, что Сяо-Лань поморщилась.

— Всё ещё слышишь?

— Когда люди врут себе — да.

— Тогда слушай. Безымянный Сват появляется там, где люди боятся сказать правду до свадьбы. Он не заставляет любить. Он предлагает облегчение: боишься выбрать — выберет за тебя, боишься разбить сердце — сделает союз удобным. Чересчур больно признаться — превратит чувство в договор.

— Звучит как Палата сердечных обязательств в плохом настроении.

— Палата считает чувства. Сват заменяет их расчётом. Разница маленькая, пока все документы говорят, что ты счастлив.

— А поддельные признания?

— Старый способ. Если человек не решается сказать, за него создают правильную фразу. Фраза тянет обязательство, обязательство — брак.

— И все довольны?

— Все спокойны. Не путай.

— Почему сейчас?

— Скоро Фестиваль десяти тысяч помолвок. Все хотят выбрать правильно. Все боятся выбрать сердцем: сердце не выдаёт гарантийный талон.

Тётушка Ма подтолкнула к ней печенье.

— Ешь. Это совет в тесте.

Внутри лежала полоска:

«Если мужчина выглядит как наказание, проверь, не является ли он уликой».

У двери Сяо-Лань остановилась.

— Ты боишься этого Свата.

Тётушка Ма снова взялась за креветки.

— Я чересчур стара, чтобы бояться сказок.

— Это не ответ.

— Конечно. Ответы портят аппетит.

Когда Сяо-Лань вышла, серебряная шпилька в волосах тётушки Ма на миг отразила не чайную, а длинный коридор с красными печатями и рядами молчащих невест.

К вечеру Нефритовое бюро выглядело так, будто пыталось притвориться законным учреждением и устало на середине. Сяо-Лань спрятала две крикливые расписки в ящик с имбирём, запретила Цикаде трогать футляр и повесила на шкаф табличку: «Не скрипеть при проверяющих без необходимости».

Вэй Жэнь вернулся, когда за окном зажигали фонари.

— Как предсказуемо, — сказала Сяо-Лань. — Я почти скучала.

— Скучать по проверяющему не рекомендуется. Это может быть истолковано как попытка повлиять на процедуру.

Он вошёл без обычной задержки у порога. Рукава оставались безупречны, но на лице появилась новая жёсткость. Не чиновничья. Личная.

— Где футляр?

— В чайнике без носика. Никто не станет искать признание инспектора там, где нельзя налить чай.

Сяо-Лань достала футляр. Две печати оставались целыми. Вэй проверил их, но открывать не стал.

— Я сверил похожие документы. Поддельные признания обнаружены не только здесь.

— Сколько?

— Официально — четыре. Неофициально — не менее одиннадцати. У всех появились признания, которых они не писали. У нескольких использована личная ци.

— Адресаты известны?

— В большинстве случаев нет. Строка проявляется только при активации.

— Значит, это не признания. Это ловушки.

— Потенциальные сердечные обязательства сомнительного происхождения.

Сяо-Лань подняла глаза.

— Нет.

— Я ещё не сделал предложения.

— У вас лицо человека, который сейчас скажет «мы вынуждены сотрудничать» так, будто это наказание. Ответ: нет.

— Дело затрагивает вашу деятельность, мою служебную ци, печати Палаты и рынок, где вы вмешались в сделку с тенью.

— А я оцениваю риск сотрудничества с человеком, который утром хотел изъять мой архив.

— Я по-прежнему обязан его изъять при неустранении нарушений.

— Прошу отметить: предмет разговора попытался самоустраниться, — застрекотала Цикада.

— Цикада, в печать.

Вэй стоял неподвижно, но Сяо-Лань видела напряжение в линии пальцев. Он не любил просить. И всё же пришёл.

— Почему не расследуете сами?

— Потому что Палата скомпрометирована. След печати на сделке с тенью подлинен, но не числится в открытом реестре. Если я подам официальный запрос, виновные узнают раньше, чем я получу ответ.

— Если я соглашусь, вы прекратите проверку?

— Нет. Но её результат может зависеть от связи между вашим архивом и поддельными признаниями.

— То есть если мы не раскроем дело, бюро закроют первым.

— Да.

Честно. С неприятными людьми, когда они честны, спорить труднее.

— А если раскроем?

— Часть нарушений может быть переквалифицирована как действия в условиях угрозы общественной сердечной безопасности.

— Часть?

— У вас незарегистрированный дух, архив, неправильный журнал и, возможно, шкаф-свидетель.

Шкаф скрипнул с достоинством.

Сяо-Лань вздохнула.

— С кем начнём?

Вэй достал тонкий свиток с синей каймой министерских домов.

— Первое совместное дело уже назначено. Я предложил вашу кандидатуру как внешнего консультанта с сомнительной, но применимой квалификацией.

Она развернула свиток и увидела герб министра Фу.

— Дочь министра?

— Фу Мэйлин. Помолвка должна быть объявлена через три дня. У неё три жениха, все прошли предварительную проверку Палаты.

— И что с ними не так?

Вэй помолчал.

— Они безупречны.

— Все трое?

— Да.

Цикада высунулась из печати.

— Прошу занести в протокол: безупречность признанаотягчающим обстоятельством.

— Когда выходим?

— Завтра утром. На пять ударов раньше. Министр не любит ждать.

Сяо-Лань поставила на чистом листе две точки рядом: красную — от сургуча Палаты, зелёную — от печати бюро.

— Тогда приходите вовремя, инспектор Вэй. И постарайтесь по дороге не влюбиться юридически.

Он остановился у двери.

— Если свиток активируется, пострадаю не только я. Адресат тоже окажется втянут в обязательство.

Шутка застряла у неё на языке. Он сказал это не как чиновник, защищающий статус, а как человек, впервые за день подумавший не о себе.

— Тогда не дадим ему активироваться, — сказала она.

Вэй кивнул и вышел.

Сяо-Лань закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Цикада села на край футляра.

— Руководитель, у нас совместный проект с Небесной налоговой. Требую надбавку за работу в условиях романтической угрозы.

— Это не романтическая угроза.

— Конечно. Это потенциальное сердечное обязательство сомнительного происхождения с высоким риском взаимного раздражения.

Сяо-Лань посмотрела на запёртый футляр. Внутри лежало признание, которое Вэй Жэнь не писал. Но бумага уже знала его ци.

И где-то в городе тот, у кого не было лица, умел превращать чужое «я» в правильную фразу.

— Цикада, достань дело жениха без тени. И всё, что есть по министру Фу.

— Работаем ночью?

— Работаем, пока нас не оформили как чужую ошибку.

— Наконец-то нормальный служебный режим, — вздохнула Цикада с восторгом чиновницы перед катастрофой.

Глава 4. Дочь министра и три жениха

Дом министра Фу стоял на улице Чистых намерений, что само по себе казалось Сяо-Лань дурным предзнаменованием. В Юйлане чересчур честные названия обычно прятали чересчур дорогую ложь.

Вэй Жэнь пришёл на пять ударов раньше. Сяо-Лань, из принципа, вышла на четыре.

— Вы опоздали на один удар относительно согласованного отклонения.

— Я дала вам возможность испытать живое чувство.

— Раздражение?

— Видите, вы учитесь.

Он не улыбнулся, но взгляд задержался на её рукаве, где Цикада № 108 устроилась крошечной нефритовой булавкой.

— Дух участвует в выезде?

— Дух участвует в жизни бюро.

Двор был выметен так чисто, что листья выглядели виноватыми. В зале Согласованных радостей министр Фу держался как человек, привыкший подписывать судьбы быстрее, чем люди успевали их прожить. Рядом, в тени ширмы, сидела Фу Мэйлин — спокойные руки, опущенные ресницы, тонкий звон браслетов на запястье. Чересчур тонкий. Как предупреждение.

— Инспектор Вэй. Рад, что Палата прислала человека с репутацией.

— Проверка проводится совместно с внешним консультантом, — сказал Вэй. — Госпожа Ли обладает применимыми навыками в выявлении несоответствий добрачного характера.

Фу перевёл взгляд на Сяо-Лань.

— Очень обнадеживающая формулировка.

— Я тоже так решила.

Министр кашлянул.

— Моя дочь должна выбрать жениха до третьего дня Фестиваля десяти тысяч помолвок.

Три кандидата прошли проверку семьи, Палаты и двух свах. Все достойны. Все безупречны.

Сяо-Лань задержалась на Мэйлин. Девушка сидела неподвижно, только большой палец тёр браслет. Страх перед собственным ответом.

— И поэтому вы вызвали нас?

— Безупречность бывает разной. Я хочу удостовериться, что в ней нет технической примеси.

— Вы хотите правду?

— Я хочу, чтобы помолвка состоялась без скандала.

— Это разные услуги.

Министр постучал пальцем по подлокотнику.

— Не разрушайте помолвку. Если есть правда, способная повредить семье, её нужно аккуратно удалить.

— Правда — не рыбная кость, министр Фу. Её нельзя аккуратно удалить.

Вэй сделал шаг вперёд.

— Палата заинтересована в установлении фактов. Решение о браке остаётся за семьёй и госпожой Фу Мэйлин.

Он произнёс имя дочери чётко. Мэйлин подняла глаза.

— Женихи ждут в павильоне, — сказал министр. — Поэт Лян Цю — дар и чистая речь. Воин Чжао Гэн — храбрец без страха. Купец Минь Дао — надёжен, богат, без долгов.

— Поэт без прошлого, воин без страхов и купец без долгов, — сказала Сяо-Лань. — Жаль, не добавили монаха без искушений.

Мэйлин тихо кашлянула. Почти смех. Первый живой звук в выметенном доме.

— У вас один час, — сказал министр. — Не тревожьте дочь лишними подробностями.
— Госпожа Фу, вы сами хотите знать лишние подробности?

Мэйлин открыла рот.

— Моя дочь доверяет мне, — сказал отец.

Невидимые цикады зазвенели. Не от министра: он верил в сказанное. Стрекот шёл от Мэйлин, от опущенных глаз и пальца на браслете.

«Я доверяю».

Ложь себе.

— Тогда начнём с женихов, — сказала Сяо-Лань.

Садовый павильон подходил для допроса: четыре выхода, хороший свет, стол для документов. Единственной проблемой была Сяо-Лань. Второй — рыжий кот министра, занявший форму Н-12.

— Уберите животное, — сказал Вэй.

— Нельзя. Он уже выбрал сторону.

Первым вошёл поэт Лян Цю: тонкий, бледный, печальный до профессионального злоупотребления грустью.

— Имя, возраст, место рождения, прежние обещания и юридически значимые метафоры? — начал Вэй.

— Я родился в тумане над рекой.

— Географически.

— Моя родина — слово.

— Административно.

Сяо-Лань поставила перед поэтом чай.

— Выпейте. Это не метафора. Кто научил вас держать кисть?

— Красота.

Кот зевнул. Цикады молчали. Поэт не врал себе. Он просто не имел ответа.

— Восторг после брака снижается? — спросил Вэй.

— Восторг уходит в глубину.

— Ответ не соответствует форме.

— Зато красивый, — сказала Сяо-Лань. — И пустой. Прошое — корень человека. У вас его нет.

Лян Цю побледнел.

Вторым вошёл Чжао Гэн — широкоплечий воин с лицом человека, способного дожидаться извинений от дождя.

— Три похода? — спросил Вэй.

— Да.

— Ранения?

— Семь.

— Страх?

— Нет.

— Ни разу? — спросила Сяо-Лань.

— Страх мешает долгу.

— Голод мешает посту, но монахи всё равно его чувствуют.

— Я обучен владеть собой.

— Это не ответ. Это надгробная надпись.

На вопрос о волнениях будущей супруги Чжао Гэн ответил:

— Супруга в доме воина будет защищена от лишних волнений.

Сяо-Лань поставила перед ним чашку.

— Чай горячий.

Кот толкнул блюдце. Капля упала воину на запястье, кожа покраснела.

— Больно?

— Нет.

Цикады молчали. Не ложь, не мужество — отсутствие трещины, куда мог бы попасть живой воздух.

Третьим вошёл Минь Дао: моложе первых двух, одет без роскоши, но ткань халата стоила дороже мебели в Нефритовом бюро. Поклон был распределён по-бухгалтерски.

— Ваш торговый дом не имеет долгов? — спросил Вэй.

— Не имеет.

— Залогов? Отложенных обязательств? Обещаний под поставки, брак или поручительство?

— Нет.

— Купцы с чистыми счётами существуют, — сказал Вэй.

— Как рыбы без воды. Теоретически можно, но хочется спросить, кто их высушил.

Минь Дао рассмеялся приятно, тепло, с правильной долей смущения.

Подозрительно правильной.

Кот понюхал край его халата и выгнул спину.

— Что вы считаете допустимым ущербом в браке? — спросил Вэй.

— Никакой ущерб недопустим. Я хочу, чтобы жена была счастлива.

— Как именно?

— Полностью.

— Опасное слово. Даже чай не бывает полностью хорошим.

— Я обеспечу госпоже Фу дом, покой и уважение.

— А если она захочет не покоя?

Минь Дао посмотрел на Мэйлин. Та сидела с вежливой пустотой на лице, но палец снова тёр браслет.

— Тогда я помогу ей захотеть правильного.

Кот зашипел.

Цикада, спрятанная в булавке, прошептала:

— Формулировка пахнет обработанным согласием.

Вэй закрыл анкету.

— Достаточно.

— Уже? — нахмурился министр.

— Остальные ответы предсказуемы.

Поэт без прошлого. Воин без страха. Купец без долгов.

И только последний заставил кота шипеть.

Сяо-Лань попросила осмотреть подарки. Министр не хотел разрешать, но Вэй произнёс что-то о предметах, способных породить сердечные обязательства. Фраза была достаточно длинной, чтобы выглядеть законной.

В малом зале лежали свиток стихов, нефритовый гребень и сандаловая шкатулка Минь Дао. Внутри стояла миниатюрная модель дома: двор, два дерева, пруд, женщина у окна, муж у ворот, ребёнок с бумажным змеем.

Дом был прелестен.

Чересчур.

Фигурка женщины походила на Мэйлин, но не совсем: улыбка шире, плечи расслаблены, в руках — младенец.

— Господин Минь сказал, что это образ будущего, которое он готов мне дать, — сказала Мэйлин.

— А вы хотите такое будущее?

— Оно хорошее.

Цикады зазвенели.

— Хорошее — не значит ваше.

Мэйлин сжала браслет.

— Вы не должны говорить мне такие вещи.

— Должна.

Вошёл Вэй с серебряной пластиной проверки.

— На шкатулке следы теневой магии.

Под миниатюрным домом обнаружилось второе дно: тёмный шёлк и стеклянный пузырь с золотистой пылью. Пластина вспыхнула жёлтым.

— Сновидческая субстанция, — сказал Вэй. — Вероятно, извлечённая из чужой мечты.

Сяо-Лань открыла пузырь. Воздух наполнился запахом тёплого молока, дождя по черепице и детского смеха. На миг проступила картина: женщина у окна, муж у ворот, ребёнок, пруд, два дерева.

И в этом сне не было Мэйлин. Там была другая женщина — круглое лицо, веснушки, пятно муки на рукаве.

— Он купил чужую мечту о браке.

— И часть тени, чтобы мечта держалась на нём как репутация, — сказал Вэй.

Мэйлин прикрыла рот.

— Но он такой добрый.

— Он купил доброту, удобство и будущее в наборе.

— Нужно допросить его повторно, — сказал Вэй.

— Потом.

— Сейчас.

— Потом, инспектор.

Он хотел возразить, но тоже посмотрел на Мэйлин: с неё будто сняли не иллюзию, а последнюю обязанность держаться прямо.

— Я знала, — сказала она. — Не про мечту. Но знала, что что-то не так. Все говорили: выбирай сердцем. Отец — выбирай разумно. Свахи — выбирай быстро. А я смотрела на них и думала: если ни один не вызывает ни радости, ни страха, ни злости, значит, со мной что-то сломано.

— С вами всё живо.

Мэйлин едва не рассмеялась и едва не заплакала.

— Живое мешает.

— Да.

— Отец хочет, чтобы я была защищена.

— Иногда клетку делают из заботы. Птице от этого не легче.

Вэй молчал. Раньше он бы сослался на законного представителя семьи. Сейчас не сказал.

— Я не люблю их, — сказала Мэйлин.

Фраза вышла тихой, неровной, настоящей.

— Скажите отцу, — попросила Сяо-Лань.

— Я не могу.

— Можете.

— Он рассердится.

— Наверняка.

— А если после этого никто не захочет жениться на мне?

— Тогда узнаете, чего хотите вы, когда никто не стоит у двери с договором.

Мэйлин посмотрела на Вэя.

— А закон?

— Закон не обязывает вас выбирать из трёх кандидатов, если согласие не выражено добровольно, — сказал он.

Мэйлин выпрямилась.

— Позовите отца.

Министр пришёл раздражённый. За ним тянулись трое женихов и две свахи. Минь Дао улыбался первым — чересчур мягко, чересчур уверенно. Кот сел у ног Мэйлин.

Сяо-Лань предъявила шкатулку, шёлк и пузырьёк. Минь Дао отрицал всё равно до момента, пока Вэй не положил на стол серебряную пластину.

— Покупка чужой мечты не является прямым преступлением, — сказал Вэй. — Но использование её для склонения к сердечному обязательству квалифицируется как искажение добровольного согласия.

— Я хотел дать госпоже Фу счастье, — сказал купец.

Цикады не застрекотали. Он не врал себе.

— Чужое счастье, — сказала Сяо-Лань.

— Счастье не имеет владельца.

— Вот это уже похоже на преступление, даже если закон ещё не догадался.

Министр побагровел.

— Господин Минь, покиньте мой дом.

Минь Дао поклонился. Даже сейчас безупречно.

— Как пожелаете. Но госпожа Фу всё равно должна выбрать. Пустота выбора хуже ошибки.

Фраза прозвучала мягко. Чересчур мягко. Мэйлин вздрогнула. На рукаве купца мелькнула красная нить, похожая на след печати.

Не доказательство. Пока.

— Мэйлин, — сказал министр, — остаются два достойных кандидата. Мы выберем спокойно.

— Нет, отец.

В зале стало тихо.

— Что значит «нет»?

— Я не выберу ни одного.

— Ты испугана.

— Да. Испугана, неблагодарна, растеряна и, возможно, глупа. Но я не люблю их. Ни господина Ляна, ни господина Чжао, ни господина Миня. Я не знаю, хочу ли сейчас замуж. Я знаю только: если скажу «да», чтобы вы мной гордились, это будет ложь.

Невидимые цикады смолкли.

Полностью.

Министр смотрел на дочь так, будто впервые увидел в ней не удачную помолвку, а человека, способного причинить ему боль.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Нет. Но говорю сама.

Вэй чуть наклонил голову. Едва заметно, служебно. Он засвидетельствовал добровольность.

И тут Мэйлин вскрикнула.

На левом запястье, под браслетом, проступил знак. Красные линии сложились в брачную печать без имени. В центре проявился пустой силуэт лица.

— Не трогайте! — резко сказал Вэй.

Он уже был рядом. Его печать вспыхнула красным, но знак не исчез.

— Что это? — прошептала Мэйлин.

— Что вы сделали с моей дочерью? — крикнул министр.

— Не мы, — сказала Сяо-Лань.

Холод полз по спине. Тётушка Ма сказала: Сват не крадёт любовь. Он крадёт выбор. Мэйлин только что выбрала. И кто-то отметил это как нарушение.

Цикада, всё это время молчавшая в рукаве, тонко прошептала:

— Печать без адресата. Служебная пустота. Очень плохая канцелярия.

Вэй поднял глаза на Сяо-Лань. В его лице была только точность, впервые похожая не на холод, а на оружие.

— Госпожа Ли, думаю, наше дело больше не ограничивается поддельными признаниями.

Сяо-Лань накрыла запястье Мэйлин чистым платком, не касаясь знака.

За окном ветер поднял выметенные листья. Они закружились у ног каменного льва с брачным свитком, будто кто-то невидимый начал заполнять новый договор.

— Нет, инспектор, — сказала она. — Теперь оно касается тех, кто посмел считать человеческое «нет» ошибкой в форме.

Глава 5. Налог на поцелуй

Небесная палата сердечных обязательств начиналась с очереди. Вэй Жэнь считал очередь честным изобретением империи: перед законом все стояли, держали талон и понимали цену слов. Ли Сяо-Лань, судя по лицу, считала очередь разновидностью медленной пытки.

— У вашей Палаты хороший вкус к унижению, — сказала она.

Главный зал занимал три этажа под стеклянной крышей. По стенам текли золотые строки обязательств. Зелёные окна принимали признания, жёлтые — уточнения намерений, красные — спорные поцелуи, синие — ущерб от разбитого сердца. Нефритовый гонг бил всякий раз, когда «я без тебя умру» оказывалось бытовым преувеличением.

Медный журавль-талонщик выкрикнул:

— Талон семьсот девять! Поцелуй просроченный, окно четыре!

Молодой мужчина в свадебной шапочке побледнел.

— Но он был три года назад!

— Срок давности при наличии свидетеля-луны продлевается.

Сяо-Лань повернулась к Вэю.

— Свидетель-луна?

— Спорная категория. Я предлагал уточнить формулировку.

— И что вам ответили?

— Что Небо видит всё.

— Удобно. Особенно для доначислений.

Они пришли не спорить о Луне. Вэй держал защитную папку с платком Фу Мэйлин. На ткани проступал знак: круг без имени, пустое лицо в центре, след брачной печати, не числящейся в открытых реестрах.

Неизвестная печать в доме министра. Поддельное признание с его ци. Сделка с тенью на рынке. Три факта, и связь между ними стояла ближе, чем Вэю хотелось.

— Куда нам?

— В отдел архивных сопоставлений. Нужен доступ к делам о безымянных печатях.

— Просто получить?

— Нет.

— Разумеется.

Она шла рядом без должного почтения к учреждению. Разглядывала людей, вывески, чиновников — не как нарушительница, а как врач, вошедший в дом больного.

У окна супруги спорили о нежности: он уверял, что обещал «по мере сил», она требовала каждое утро. Писарь уточнил, речь о нежности словесной, бытовой, телесной или чайной, и отправил их брать дополнительные талоны.

У синего окна бабушка в траурной повязке требовала оформить посмертную ревность: покойный муж, как выяснилось, в молодости улыбался прачке.

— Покойный присутствует?

— В урне.

— Этого достаточно только для претензии к праху. Для ревности нужен дух.

Из урны донеслось:

— Я просто был вежлив!

— Ей станет легче? — тихо спросила Сяо-Лань.

— Закон не гарантирует облегчения.

— Тогда что он гарантирует?

Вэй обвёл взглядом людей с талонами, признаниями, обидами и надеждами, уже ставшими документами.

— Возможность быть услышанными без крика.

Сяо-Лань не ответила сразу.

— Хорошая формулировка. Почти опасная.

Ему стало не по себе. Он ускорил шаг.

У отдела архивных сопоставлений висела табличка: «Без срочных чувств. Срочные чувства принимаются в порядке общей паники».

Вэй предъявил печать.

— Доступ к старым делам о безымянных брачных печатях, поддельных признаниях и принудительных сердечных обязательствах.

Младший чиновник взглянул на Сяо-Лань.

— А сопровождающая?

— Внешний консультант.

— Лицензия?

— В процессе проверки, — сказал Вэй. — Основание: знак на запястье дочери министра Фу после добровольного отказа от брака. Угроза общественной сердечной безопасности.

Чиновник увидел отпечаток и сглотнул.

— Вам нужен архивариус Су. Нижний читальный зал, раздел забытых признаний.

— Как удачно, что он именно там, — сказала Сяо-Лань.

Вэй ничего не сказал, но отметил то же самое.

Нижний читальный зал пустовал. Здесь хранились дела, пережившие участников: отменённые помолвки, признания без адресатов, брачные обещания, найденные спустя поколение. Сяо-Лань почувствовала сухую бумагу, камень, пыль, горечь старого чая и невысказанное, лежавшее между полками, как холод в уставшем доме.

Архивариус Су стоял у каталожного шкафа.

Серый халат, мягкое лицо, тонкие руки. Он повернулся так спокойно, будто заранее знал, что они придут.

— Инспектор Вэй. Редко вижу вас в нижних залах.

— Архивариус Су.

В голосе Вэя прозвучало служебное, но настоящее уважение.

— И госпожа Ли Сяо-Лань. Нефритовое бюро непризнанных чувств.

— Моя слава дошла до подземелий?

— До архивов доходит всё. Иногда раньше людей.

Он улыбнулся мягко. С оттенком вины.

Невидимые цикады молчали. Это должно было успокоить. Не успокоило. Рядом с Су была не тишина правды, а гладкое место, где стрекот не мог зацепиться.

— Нам нужны дела о Безымянном Свате, — сказала она.

Вэй повернул голову.

— Формально мы ищем безымянные брачные печати.

— Формально да.

— Старое имя, — сказал Су. — Непопулярное в нынешней Палате.

— Потому что сказка?

— Потому что неудобное объяснение для многих удобных браков.

Он коснулся белых карточек тонкой палочкой.

— Безымянный Сват упоминается в делах четырёх типов: отказ от брака без видимой причины, внезапное появление идеальных женихов или невест, признания без адресата, след печати без имени после добровольного «нет».

Сяо-Лань почувствовала, как Вэй рядом напрягся.

Все четыре. У них уже были все четыре.

— Вы слишком быстро нашли нужные категории.

— Страшное часто просят убрать подальше. Архивариусу приходится знать, куда именно.

Ответ был безупречен. И снова — ни единой цикады.

Вэй положил отпечаток знака Мэйлин.

— Нам нужен доступ к полным делам.

Су склонился над тканью.

— Свежий след. После отказа?

— Да.

— Смелая девушка.

Су вынул связку костяных пластин.

— Старые дела в закрытом секторе. Доступ дают только при доказанной профессиональной необходимости.

— У инспектора Вэя есть служебная печать.

— Есть. Но дело затрагивает его лично.

Вэй замер.

— Что вы знаете?

— Утром в реестре появился запрос на самопроверку жизненной ци инспектора. Такие запросы редко бывают праздными.

— Запрос был служебным.

— Разумеется. Поэтому система требует второго основания. Независимого.

— Какого?

— Нужно доказать, что дело невозможно рассмотреть без участия обеих сторон.

— Обеих?

— Закона и правды.

Фраза была красивая. Чересчур.

Су вставил костяную пластину в прорезь. Каменный стол раскрыл печать допуска.

— Кабинка проверки профессиональной необходимости установит, есть ли между вами достаточная связь для совместного доступа.

— Связь?

— Процедура, — очень ровно сказал Вэй.

Су посмотрел на них обоих.

— Обычно да. Я подготовлю карточки дел. Раздел забытых признаний редко спрашивают, но они всегда ждут.

— Ждут кого?

— Тех, кто опоздал.

Су отошёл к полкам. Шёл бесшумно — не как вор, а как человек, не оставляющий после себя лишнего.

— Вам он нравится? — тихо спросила Сяо-Лань.

— Архивариус Су служит Палате тридцать лет. Его сведения точны.

— Я не спрашивала про сведения.

— Он никогда не создавал затруднений.

— Это описание хорошо смазанной двери. У меня опыт с пустыми.

Каменная печать допуска вспыхнула.

— Для получения доступа пройдите проверку профессиональной необходимости. Две стороны. Одна кабинка.

Сяо-Лань повернулась к Вэю.

— Одна?

— Вероятно, пространство ограничено.

— Ваши процедуры всё больше похожи на сватовство с печатью.

Кабинка была рассчитана на одного человека, который мало ел и не носил длинных рукавов. На стекле значилось: «Система учитывает только значимые связи».

— Отлично. Нам нечего бояться.

— Процедура устаревшая. Ранее её использовали для супругов-архивариусов.

— Разумно применить её к инспектору и женщине, чей архив он обязан изъять.

Система звякнула:

— Задержка входа трактуется как сомнение в профессиональной необходимости.

— Даже кабинка осуждает нас быстрее людей, — сказала Сяо-Лань и шагнула внутрь.

Вэй вошёл следом. Дверца закрылась.

Мир стал тесным.

Чересчур тесным для двух упрямых людей, рукавов Вэя, сумки Сяо-Лань и Цикады № 108, которая выбрала худший момент, чтобы высунуться из булавки.

— Прошу зафиксировать: помещение не соответствует нормам комфортного свидетельствования.

— Цикада, исчезни.

— Я исчезла бы, но мне мешает локоть инспектора.

Вэй попытался отодвинуться. Отодвигаться было некуда. Его плечо задело стенку, и под потолком вспыхнули розовые чернила.

— Начата проверка. Установите характер связи.

— Служебная, — сказал Вэй.

— Расследовательская, — сказала Сяо-Лань.

— Конфликтная, — добавила Цикада.

— Обнаружено расхождение самоописаний. Доверие присутствует?

— Нет, — сказал Вэй.

— Нет, — сказала Сяо-Лань.

— Ответ синхронный. Признак устойчивого взаимодействия.

— Я уже ненавижу это место, — сказала Сяо-Лань.

— Взаимная эмоциональная интенсивность зафиксирована.

— Ненависть не равна необходимости, — сказал Вэй.

— Ненависть при совместной цели может являться формой функциональной привязки.

— Я хочу такую кабинку в бюро, — прошептала Цикада.

— Нет, — одновременно сказали Вэй и Сяо-Лань.

Стены мягко засветились.

— Повторная синхронность.

— Это не симпатия, — сказал Вэй.

— Кто говорил о симпатии? — спросила Сяо-Лань.

Он замолчал на половину вдоха.

— Термин «симпатия» введён субъектом Вэй Жэнем без запроса системы.

— Протестую.

— Протест принят как защитная реакция.

— Инспектор, ваша Палата только что допросила вас лучше, чем я.

— Это устаревший алгоритм с избыточной романтической интерпретацией.

Он посмотрел на неё сверху вниз. Из-за тесноты взгляд получился слишком близким. Сяо-Лань заметила усталость под его глазами. Не холодность — усталость человека, который держит лицо ровным, даже когда собственная ци лежит в чужом признании.

Она сдвинулась назад, наступила на край сумки и потеряла равновесие.

Вэй поймал её за плечо прежде, чем она ударилась о стекло. Движение было быстрым, без расчёта, совсем не служебным. Пальцы легли поверх ткани рукава крепко, но не больно — так, будто он удерживал не нарушительницу, а человека.

Сяо-Лань подняла глаза.

Лицо Вэя оказалось ближе, чем следовало любой процедуре. Он понял это сразу: челюсть напряглась, взгляд на миг ушёл к её губам и вернулся обратно с отчаянной дисциплиной.

Между ними оставался один вдох.

— Ой, — пискнула Цикада.

Кабинка вспыхнула золотом.

— Обнаружено эмоционально подозрительное сближение.

Вэй отпустил её так быстро, будто обжёгся.

— Субъект Ли потеряла равновесие. Поддержка оказана для предотвращения ущерба.

— Подтверждаю. Ущерб предотвращён. Гордость пострадала умеренно.

— Зафиксировано: оба субъекта стремятся снизить значение события.

— Потому что значения нет, — сказал Вэй.

— Отрицание значения при повышенном пульсе субъектов.

Кабинка зазвенела.

— Профессиональная необходимость подтверждена.

Дверца не открылась.

— Почему доступ не завершён? — спросил Вэй.

— Дополнительная проверка: риск пристрастности. Обнаружены взаимное раздражение, синхронные ответы, защитное отрицание, физическое сближение без фактического касания губ, повышенное внимание к реакциям второй стороны.

— Это абсурд.

— Абсурд не исключает налогооблагаемого намерения.

Сяо-Лань рассмеялась.

— Ваш закон решил, что мы почти поцеловались из профессиональной необходимости.

— Он так не решил.

Над дверью появились три узкие полоски бумаги.

— Выписано уведомление о штрафе за почти-поцелуй без фактического касания. Категория: предварительное эмоциональное слияние, не доведённое до облагаемого события по причине взаимной трусости или недостатка площади. Окно оплаты — четыре.

Цикада упала в сумку и застрекотала так, будто умирала от счастья.

Сяо-Лань взяла штрафной листок.

На нём стояли их имена.

Ли Сяо-Лань.

Вэй Жэнь.

Связь: эмоционально подозрительная, профессионально необходимая.

Она подняла взгляд. Вэй был бледен. Чуть-чуть, но для человека, который мог оштрафовать храм и не дрогнуть, этого хватало, чтобы день стал историческим.

— Инспектор, — сказала она как можно мягче, — кажется, у нас появился первый совместный документ.

Дверца наконец открылась.

Снаружи стоял архивариус Су с карточками дел в руках. Он посмотрел на штрафной листок, потом на Вэя, потом на Сяо-Лань.

И улыбнулся.

— Рад видеть, что система признала вашу необходимость, — сказал он. — Старые дела уже ждут.

Глава 6. Цикада ест улику

Сяо-Лань принесла копии старых дел в бюро так, будто несла больного чиновника: осторожно, двумя руками и с твёрдым намерением не дать ему умереть до допроса.

Листы пахли нижним архивом Палаты — пылью, холодным камнем и словами без хозяев. Су выдал их с улыбкой и предупреждением: «Некоторые фрагменты могут быть эмоционально нестабильны». После штрафа за почти-поцелуй Сяо-Лань уже не верила Палате, когда та называла что-либо нестабильным.

В бюро шкаф скрипнул так укоризненно, будто они вернулись после тайной свадьбы и забыли позвать мебель.

— Не начинай, — сказала Сяо-Лань.

Вэй поставил футляр с копиями на стол.

— Копии действительны до полуночи. Потом архивная печать стянет текст обратно.

— Даже бумага у вас не доверяет людям надолго.

Сяо-Лань разложила листы.

Первое дело: невеста Чэнь Ло отказалась от выгодного брака, получила знак на запястье, через сутки передумала, через месяц вышла замуж. Позднейшая пометка гласила: «Супружеская жизнь ровная, жалоб нет, личные желания не выявлены».

— «Личные желания не выявлены», — прочитала Сяо-Лань. — Будто их искали в кладовой.

Второе дело: поэт Хань Юй получил признание без адресата. Свиток активировался на первой женщине, прочитавшей его вслух. После брака стихи стали «общественно пригодными, лишёнными избыточной личной тревожности».

— Поэта превратили в свадебного тамаду.

— Это не самое тревожное.

Третье дело было повреждено. На верхней печати значилось: «Древний судебный протокол о добровольной передаче выбора». Ниже сохранились фрагменты:

«...пары, отказавшиеся от права личного ответа...»

«...Сват без имени принимает обязанность соединять без боли...»

«...печать ставится в месте пульса, дабы сердце не возражало...»

«...при сопротивлении — извлечь первичное признание...»

Воздух в бюро стал теснее.

— «Чтобы сердце не возражало», — сказала Сяо-Лань. — Какая заботливая мерзость.

Четвёртый лист был полупрозрачный: пустое лицо, круг, красная нить к запястью. Под рисунком шла строка:

«Если субъект произносит отказ до заключения союза, Сват вправе предложить безопасную замену выбору».

— Не принудить, — сказал Вэй. — Предложить.

— Самое страшное зло всегда сначала предлагает чай.

Цикада подползала к третьему листу, как воровка, уверенная, что если двигаться низко и торжественно, её не заметят.

— Цикада.

— Я не прикасалась.

— Ты уже существуешь в сторону улики.

Цикада закрыла глаза.

— Но чернила пахнут премией.

Сяо-Лань не успела.

Цикада бросилась вперёд с отчаянностью чиновника, увидевшего незаполненную графу, и откусила середину самого важного фрагмента.

Бумага взвизгнула. Лампа вспыхнула зелёным.

— Что вы делаете?! — сорвался Вэй.

— Постигаю! Во имя учреждения!

— Выплюнь!

— Не могу! Процесс архивного осмысления необратим!

На месте съеденного текста расплзлась дыра. По краям зашевелились оборванные строки:

«...первый суд...»

«...тысячи пар...»

«...отказ от боли...»

«...лицо не требуется...»

Потом всё погасло.

Цикада икнула. Из неё вылетела чёрная искра. Крылья потемнели. Внутри прозрачного тела закружились красные чернила с золотой пылью архивной печати.

— Руководитель, — сказала она другим голосом. — Прошу открыть протокол видения.

И рухнула на стол.

Цикада № 108 не любила суды.

Но этот суд был хуже обычного.

Над ней висело серое Небо, исписанное строками. Они менялись, выстраивались в колонки и падали вниз маленькими печатями. Цикада обнаружила себя на краю гигантской площади.

Служебное состояние: растерянность.

Права: не установлены.

Опасность: чрезмерная.

На площади стояли тысячи людей: женихи и невесты, мужья и жёны, девушки с закрытыми лицами, юноши с мокрыми ладонями, старики, которых поженили в детстве. Все молчали.

Молчание было таким густым, что Цикада захотела подать жалобу на превышение тишины.

В центре стоял помост. За столом сидели трое небесных судей в белых масках. Перед ними лежал журнал:

«Дело о добровольном отказе от болезненного выбора».

К помосту вышла женщина в красном свадебном платье. Она держала за руку мужчину, который смотрел в пол.

— Говорите правду, — сказал судья.

Женщина открыла рот.

Не сказала.

На горле у неё проступила красная нить. Мужчина рядом тоже молчал.

— Стороны отказываются от прямого ответа. Рекомендуются безопасный союз.

Цикада услышала то, что не прозвучало:

«Я не хочу за него».

«Я люблю другую, но боюсь разорить семью».

Фразы упали на камень прозрачными рыбами.

Тогда из-за помоста вышел Сват.

У него не было лица. Не маска — отсутствие места, где лицо могло бы быть. В руках — пустая печать.

— Вам больно выбирать, — сказал Сват. — Тогда отдайте мне этот миг. Я выберу за вас так, чтобы было спокойно.

Служебное замечание: спокойствие предложено без указания побочных последствий.

Сват поставил печать им на запястья. Их лица разгладились. Не стали счастливыми. Счастье шумит, роняет чашки и спорит о соли. Эти лица стали удобными, как чистые бланки.

Сват собрал несказанные фразы в чашу.

— Первичные признания изъяты, — сказал судья. — Выбор считается урегулированным. Площадь вздохнула. Не облегчённо. Согласованно.

К помосту пошли другие: девушка, хотевшая учиться; юноша, боявшийся признаться в бедности; вдова, которую уговаривали на второй брак ради лавки. Каждый приносил невозможность сказать простое слово.

Слова падали на камень. Сват собирал их. Судьи записывали. Печати ложились в место пульса. Лица становились ровными.

На дальнем краю площади стояли служители без лиц. Их запястья были исписаны кругами. На одежде некоторых виднелись старые знаки Палаты. У одного — почти такой же знак, как на печати сделки с тенью.

Цикада оказалась рядом с огромным журналом. Строки писались сами:

«Чем меньше человек выбирает, тем меньше он страдает».

«Чем меньше он страдает, тем легче управлять домом».

«Чем легче управлять домом, тем спокойнее государство».

«Спокойствие признаётся высшей формой согласия».

Цикада почувствовала канцелярский ужас. Демон хотя бы честно хочет тебя съесть. Такая строка сначала объяснит, что пищеварение отвечает твоим интересам.

Сват повернулся.

— Свидетель.

— Я неуполномочена! Мой статус не установлен, регистрация спорная, отпуск не предоставлен!

На ладони Свата лежала светящаяся фраза:

«Я не хочу молчать».

— Все хотят, — сказал Сват. — Пока не узнают цену.

Он сжал пальцы. Фраза погасла.

— Нарушение! — закричала Цикада. — Массовое нарушение права на собственное «нет»! Требую апелляции! Требую чернил!

На гладком лице Свата появилась трещина. Внутри не было тьмы. Там была тишина.

— Апелляция принята. Срок рассмотрения: вечность.

И печать легла прямо на крылья Цикады.

Вэй Жэнь не верил в видения без проверки. Духи преувеличивали, память врала, архивные чернила могли вызвать галлюцинации или неконтролируемую поэзию.

И всё же, когда Цикада очнулась, Вэй уже записывал каждое слово.

Сяо-Лань стояла рядом бледная от злости. Не от страха — Вэй начинал различать. Страх делал её острее, насмешливее. Настоящая злость убирала всё лишнее.

Цикада лежала на блюде для печати, укрытая промокательной бумагой. Крылья оставались тёмными.

— Повторите фразу из журнала, — сказал Вэй.

— «Спокойствие признаётся высшей формой согласия», — прошептала Цикада. — Стилистически гладкая, нравственно тухлая.

Вэй записал. Фраза не встречалась в современных документах Палаты, но похожая конструкция была в старых сборниках семейного права: «молчание при отсутствии возражения

признаётся согласием». Её отменили после реформы. По крайней мере, должны были отменить.

— Вы видели печать?

— Пустое лицо в круге. Красная нить к пульсу. Старый знак Палаты на рукаве служителя. До разделения отделов нежности, обещаний и брачных ущербов.

— У сделки с тенью был похожий оттиск, — сказала Сяо-Лань.

— Да.

Она посмотрела на Вэя без победы. Только требовательно. И он понял: ждёт не признания её правоты, а действия.

— Видение совпадает с уликами, — сказал он. — Знак Мэйлин, поддельные признания, сделка с тенью и архивные дела образуют единую схему.

— То есть Цикада не просто наелась старой бумаги.

— Не просто.

— Мои страдания признаны частично доказательными, — прошептала Цикада.

Сяо-Лань осторожно коснулась края промокательной бумаги.

— Ты молодец.

Цикада замерла.

— Прошу повторить для протокола.

— Не злоупотребляй.

Вэй наблюдал за ними и чувствовал, как в прежней картине мира появляется трещина.

Он пришёл в Нефритовое бюро с готовым выводом: частное учреждение, хранящее неучтённые признания и использующее незаконного духа. Всё это оставалось верным. Но недостаточным.

Ли Сяо-Лань не была шарлатанкой. Она слышала чужой самообман, видела подделку там, где формы молчали, и смотрела на съеденную улику не как на потерю документа, а как на раненого свидетеля.

Это не отменяло нарушений.

Но меняло их смысл.

— Госпожа Ли.

— Если вы сейчас скажете, что Цикаду всё равно придётся зарегистрировать, я брошу в вас шкаф.

Шкаф одобрительно скрипнул.

— Регистрация потребуется. Но не это главное.

— Какая неожиданная иерархия.

— Я должен пересмотреть предварительную оценку вашей деятельности.

— Это извинение?

— Нет. Это признание неполноты исходных данных.

— Инспектор Вэй, вы почти извинились так, что ни один закон не пострадал.

— Формулировка «почти» в данном контексте нежелательна.

— После нашего штрафа она вообще стала опасной.

— Нужно вернуться в Палату и получить полный доступ к древнему протоколу, — сказал Вэй.

— Су сказал, закрытый сектор.

— После видения у расследования есть основание.

Вэй хотел напомнить, что дух всё ещё подлежит допросу. Не сказал. Сяо-Лань заметила.

— Видите, — сказала она тихо. — Вы тоже можете не добивать.

Он не нашёл подходящей формулировки.

В дверь постучали.

Не три ровных удара, как у Вэя. Один. Тяжёлый. Служебный.

Красная печать на футляре у его пояса нагрелась. На пороге стоял бумажный посыльный в красной шапке, сложенный из официального бланка. Лица у него не было — только печать отдела приказов.

— Инспектор Вэй Жэнь. Срочное распоряжение Небесной палаты сердечных обязательств. Под личную ответственность.

Печать на свитке была подлинной.

Чересчур подлинной.

Вэй прочитал первую строку спокойно. Вторую — уже зная, что Сяо-Лань смотрит на его лицо. Третью — с ощущением, будто пол стал тоньше.

«В связи с выявленными нарушениями процедуры и недопустимым привлечением внешнего лица к делам закрытого сектора предписывается: прекратить несанкционированное расследование безымянных печатей».

Ниже:

«Нефритовое бюро непризнанных чувств подлежит закрытию в установленном порядке».

Последняя строка была красной:

«Исполнение поручается инспектору Вэй Жэню. Срок — немедленно».

В бюро стало тихо. Даже шкаф не скрипел.

— Госпожа Ли.

Она посмотрела прямо.

— Палата велит вам закрыть меня?

Сказать «да» было легко. Выполнить тоже должно было быть легко. Вэй всю жизнь умел выбирать букву закона, когда люди подсовывали дрожащие оправдания вместо порядка.

Но сейчас на столе лежали старые дела. Рядом — дух с потемневшими крыльями. В чайнике без носика хранилось поддельное признание с его ци. В доме министра Фу девушка с печатью на запястье впервые сказала правду. А в архивах Палаты тот, у кого не было лица, хорошо знал, как превратить человеческое «нет» в ошибку.

— Да, — сказал он.

Сяо-Лань чуть кивнула.

Она не отступила и не вспыхнула злостью — только закрылась изнутри. Вэй остался перед молчанием, которое ранило сильнее любой насмешки. Он сжал свиток; красная печать приказа горячо светила между пальцами. Привычная служебная точность впервые не подсказала, что делать дальше.

Глава 7. Предписание о закрытии

Вэй Жэнь держал приказ о закрытии Нефритового бюро двумя пальцами и понимал: впервые за долгие годы бумага стала тяжелее закона.

Свиток был безупречен. Печать — подлинная. Срок — немедленно. Основания достаточные: незарегистрированные признания, внешний человек в закрытом архивном секторе, неучтённый дух-свидетель, вмешательство в сделки с сердечными обязательствами.

Если смотреть только на документ, Ли Сяо-Лань была нарушением в человеческом виде. Если смотреть на стол — на древние дела, Цикаду с потемневшими крыльями и футляр с признанием, созданным из его ци, — приказ становился чересчур удобным.

Вэй не любил удобные документы.

Сяо-Лань стояла напротив молча. Лицо спокойное, ровное до неподвижности; пальцы стирали с края стола невидимое пятно туши. Контроль вместо страха.

— Приказ подлежит немедленному исполнению, — сказал Вэй.

— Тогда исполняйте, — сказала Сяо-Лань.

Без просьбы. Без попытки спасти место, которое было для неё домом.

Вэй снова уткнулся в строки: «Закрыть». «Изъять». «Опечатать». «Прекратить». После исполнения всё найденное ушло бы к тем, кто слишком быстро испугался старых дел о Безымянном Свате.

Он положил свиток на стол.

— В распоряжении указано «немедленно». Однако порядок исполнения допускает добровольное устранение обстоятельств до принудительных мер.

Это было верно. В отдельных случаях. Не в этом.

— Каких обстоятельств?

Вэй взял чистый лист.

— Незарегистрированный дух, незаверенный архив, отсутствие лицензии, неоформленный журнал, незакрытое расследование, создающее риск вмешательства в работу Палаты.

— Последнее особенно мешает Палате.

— Если спорить с каждой формулировкой, срок сократится сам собой.

Он написал заголовок: «Предписание о добровольном устранении обстоятельств, препятствующих приостановлению принудительного закрытия».

— Это название или наказание? — слабо спросила Цикада.

— Документ.

— Иногда разницы нет, — пробормотала Сяо-Лань.

Вэй продолжил:

— Срок — двадцать четыре часа.

— Сутки? — спросила она.

— Да.

— Вы нарушаете приказ?

— Уточняя порядок исполнения.

— То есть нарушаете, но красивым почерком.

Вэй поставил подпись.

— А если начальство спросит почему?

— Древние чернила, незарегистрированный дух, риск самопроизвольной активации.

— Вы спрятали милосердие в шкаф с процедурой.

— Милосердие не является основанием для отсрочки.

— Конечно. У вас там другое слово. Стабилизация.

Печать легла на лист тусклее обычного, будто тоже сомневалась.

— В течение суток вы должны либо привести бюро в соответствие с требованиями Палаты, либо доказать, что закрытие нанесёт ущерб расследованию угрозы общественной сердечной безопасности.

— Значит, раскрыть дело до завтрашнего заката.

Вэй поднял глаза.

— Это всё, что я могу сделать.

Слова вышли слишком тихо. Сяо-Лань услышала именно это, и закрытая пустота, появившаяся после приказа, чуть отступила.

— Почему?

— Преждевременное закрытие может повредить доказательной базе.

— Когда-нибудь вы скажете что-нибудь человеческое, и город рухнет.

— Предпочёл бы избежать городского ущерба.

Вэй положил приказ рядом с предписанием.

— До истечения срока помещение не опечатывается. Архив не изымается. Дух не конфискуется. Но расследование подлежит прекращению.

Сяо-Лань выпрямилась.

— Нет. Если через сутки бюро закроют, я потрачу эти сутки не на уборку шкафов.

— На что?

Она взяла копию древнего дела с дырой на месте съеденного фрагмента.

— На войну.

Вэй не оспорил слово. Неприятная, не внесённая в протокол часть его уже знала: война началась раньше приказа.

Сяо-Лань объявила войну с того, что велела Цикаде не умирать без письменного разрешения.

— Это приказ?

— Распоряжение руководителя.

— Тогда прошу чай, чернила и маленькую траурную музыку.

— Получишь воду, каплю туши и шкаф, который будет скрипеть колыбельную.

Шкаф скрипнул.

Через четверть часа Сяо-Лань шла к чайной тётушки Ма. Под плащом лежали копия знака Мэйлин, предписание Вэя и штраф за почти-поцелуй, который Цикада успела переписать в «памятные документы бюро». Вэй остался в Палате — официально для уточнения реестров, неофициально для того, чтобы тот, у кого не было лица, не заметил слишком рано: бюро ещё дышит.

Ей не нравилось, что она рассчитывает на чиновника. И всё же Вэй дал сутки. Не поверил, не пожалел — конечно нет. Он «снизил риск повреждения доказательной базы».

У лотка с каштанами Сяо-Лань усмехнулась так резко, что торговка отступила.

— Девушка, сглаз снять? От любовного дороже.

— Мне бы с чиновников.

— Тогда дорого. Они сами сглаз.

В чайной «Три развода и одно печенье» тётушка Ма увидела Сяо-Лань и сразу налила крепкий чай.

— У тебя лицо женщины, которой дали срок.

— Сутки. До закрытия бюро.

— Почти свадьба, если жених плохой.

Сяо-Лань села к стойке.

— Вэй принёс приказ. Потом оформил отсрочку.

— Оформил?

— Так красиво, что милосердие само себя не узнало.

— Умный мужчина.

— Не начинай.

Ма поставила перед ней лепёшки.

— Рассказывай. У тебя сутки, у меня креветки.

Сяо-Лань рассказала о знаке Мэйлин, поддельных признаниях, Су, древнем суде и кабинке профессиональной необходимости. Когда Ма заметила штраф за почти-поцелуй, ей пришлось держаться за стойку.

— Небо стало внимательнее, чем свахи.

— Ошибка алгоритма.

— Конечно. А дети появляются от взаимного уважения к лунному календарю.

— Тётушка. Ты что-то знаешь о Су и Безымянном Свате.

Ма перестала смеяться. Будто кто-то вынул из чайной звук.

— Я знаю, что упрямые девчонки задают вопросы, после которых чай остывает.

— У меня нет времени. Бюро закроют завтра, архив изымут, Цикаду могут конфисковать,

Вэй связан поддельным признанием, Мэйлин под печатью. Мне нужен следующий шаг.

Тётушка Ма долго смотрела на неё.

— Фестиваль десяти тысяч помолвок.

— Я просила следующий шаг, а не способ окончательно разочароваться в человечестве.

— Там торгуют тем, что тебе нужно.

— Пирожками в форме взаимного уважения?

— Судьбами.

Ма понизила голос.

— Официально Фестиваль — место для благословлённых пар и брачных даров. Неофициально там продают совместимые истории, исправленные первые встречи, подержанные обеты, будущие воспоминания и вещи, из-за которых Палата делает вид, что ослепла от фонарей.

— И чужие мечты о браке?

— Особенно их.

Сяо-Лань вспомнила шкатулку Минь Дао. Дом, где Мэйлин не было.

— Значит, след купца ведёт туда.

— След многих ведёт туда. Перед Фестивалем все хотят стать лучше, чем есть. Прибыльная пора для тех, кто умеет отрезать человеку лишнее и продать удобное.

— Как попасть внутрь?

Ма положила на стойку красную карточку: «Вход для пар, помолвленных, обручённых, временно согласованных или находящихся в проверяемой судьбоносной связи».

Сяо-Лань прочитала дважды.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказала.

— Ты сказала карточкой.

— На закрытые торги одиночек не пускают. Тебя рынок знает в лицо, Мэйлин под печатью, а твоему Вэю приказали расследование прекратить.

— Он не мой.

— Тем проще. Берёшь чужого чиновника, оформляешь временную помолвку на семь дней и проходишь внутрь как пара с сомнительной, но перспективной связью.

— Ты сошла с ума.

— Давно. Но годовой отчёт не выведет Вэя на закрытый рынок судеб.

— Я тоже не собираюсь.

— Тогда завтра бюро закроют, духа сдадут, архив исчезнет, Мэйлин выдадут за кого-нибудь спокойного, а инспектор однажды юридически влюбится в человека, которого выберет чужой свиток.

Сяо-Лань молчала. Тётушка Ма умела бить туда, где шутка не успевала закрыться.

— Фиктивная помолвка, — сказала она наконец. — С инспектором Небесной налоговой. На семь дней.

— Временная, формальная, без обязательного поцелуя.

— Ты говоришь так, будто есть необязательный.

— У Фестиваля богатая программа. Но другого входа нет.

Сяо-Лань взяла тёплую карточку с двумя пустыми строками.

— Вэй не согласится.

— Согласится. Он дал тебе сутки.

— Если это закончится настоящей свадьбой, я сожгу твою чайную.

— Сначала спасай бюро.

Оформление временной помолвки происходило в ночном окне Палаты: только ночью Юйлань признавал, что некоторые решения днём выглядят слишком глупо.

Вэй пришёл через полчаса после записки: «Нашла вход на Фестиваль. Нужна ваша подпись. Не смейтесь, вы не умеете».

Он не смеялся.

— Нет.

— Вы даже не дослушали.

— Временная фиктивная помолвка как способ проникновения на закрытый Фестиваль является злоупотреблением институтом сердечных обязательств.

— А поддельные признания, чужие мечты и печати на запястьях — бережное использование?

— Не искажайте.

— Я уточняю порядок исполнения.

Он сузил глаза.

— Это моя формулировка.

— Была ваша. Стала применимой.

За ночным окном сидела сонная чиновница. Табличка гласила: «Временные союзы, спорные обеты, экстренные помолвки. Поцелуи не принимаются после третьего ночного барабана».

— Оформляться будете или спорить до утра? — зевнула она. — За спор без регистрации взымается сбор, если он похож на супружеский.

— Мы не супруги, — сказал Вэй.

— Пока все так говорят.

Сяо-Лань положила на стойку карточку.

— Нужен пропуск на закрытый сектор Фестиваля.

— Формальная? Временная? Вынужденная? По ошибке семьи, Неба или вина?

— Расследовательская.

— Госпожа Ли, я всё ещё могу отказаться.

Сяо-Лань повернулась к нему.

— Можете. Тогда завтра закроете моё бюро, заберёте архив и будете расследовать приказ, который вам велели не расследовать. Один. Без доступа на Фестиваль. С поддельным признанием, которое может сделать вас юридически влюблённым. Возможно, в архивный шкаф.

— Я не прошу доверять мне, — сказала она тише. — Назовите это снижением риска или проверяемой легендой. Но если мы хотим попасть туда, где торгуют судьбами, нам нужна форма.

Он смотрел на неё слишком долго.

— Семь дней. Не больше.

Чиновница вытащила бланк.

— Причина?

— Профессиональная необходимость, — сказал Вэй.

— Взаимное отчаяние, — сказала Сяо-Лань.

Чиновница записала: «профессиональное отчаяние».

— В договор включить пункт об отсутствии романтических последствий, — сказал Вэй.

Палата на миг стала тихой.

— Об отсутствии чего?

— Романтических последствий.

— Вы собираетесь обручиться со мной фиктивно и заранее запретить последствия?

— Да.

— Это как запретить дождю намочить крышу.

Чиновница вписала пункт:

— «Стороны заявляют, что не намерены создавать романтические последствия, включая умиление, ревность, тоску после расставания, совместную лапшу после заката, хранение чужих мелких привычек в памяти и иные признаки сердечного уклонения».

— Лапшу оставьте. Вдруг расследование затянется.

— Это шутка, — сказал Вэй.

— В вашем случае требуется уточнение.

Чиновница протянула две кисти.

Сяо-Лань подписала первой. Она подписывала сотни чужих дел, но никогда — собственную помолвку, даже временную, даже фиктивную. Чернила вспыхнули зелёным.

Вэй подписал следом. Почерк безупречный. Красные чернила легли рядом.

Бланк дрогнул. Над окном появилась небесная печать, опустилась на документ и тихо рассмеялась.

Вэй побледнел.

— Печати Неба не смеются.

— Ночные смеются, — сказала чиновница. — Они всё видели.

Печать поставила рядом со строкой «без романтических последствий» отметку: «Сомнительно».

Сяо-Лань зажала рот ладонью.

— Не смейтесь, — сказал Вэй.

Чиновница оторвала от бланка две красные ленты. Они обвились вокруг их запястий.

— Поздравляю. Временная помолвка зарегистрирована. Срок — семь дней. Разрыв возможен по взаимному отказу, доказанной ненависти, ошибке Неба или заключению постоянного союза.

— Последнее исключить.

Печать Неба тихо фыркнула.

Им выдали пропуск: две половины нефритовой дощечки, которые притянулись друг к другу, едва оказались рядом.

— Держитесь вместе. Если разойдётесь дальше чем на сто шагов до входа на Фестиваль, ленты начнут звонить.

— Мы не пара.

Чиновница посмотрела на документ.

— Семь дней — пара.

Они вышли в ночной Юйлань. Фонари дрожали над каналом. На запястье Сяо-Лань светила временная помолвка.

Вэй изучил свою ленту так, будто перед ним была дерзкая ошибка в отчёте.

— Это ничего не меняет.

— Конечно. Всего лишь юридически делает нас парой.

— Временно.

— Фиктивно.

— Без романтических последствий.

Печати на лентах синхронно мигнули.

Сомнительно.

Сяо-Лань рассмеялась. На этот раз Вэй не одёрнул её сразу.

— Госпожа Ли.

— Да, жених?

Он закрыл глаза на короткий, страдальческий миг.

— Не злоупотребляйте термином.

— У нас всего семь дней. Придётся успеть.

— Завтра утром начинаем подготовку к Фестивалю. На три удара раньше.

Они пошли по мосту рядом, не касаясь друг друга. Между ними оставалось место для приличия, закона и очень маленькой лжи.

Через десять шагов ленты тонко звякнули.

— Сто шагов? — сказала Сяо-Лань.

Вэй медленно выдохнул.

— Очевидно, система считает иначе.

— Сколько?

— Примерно два.

— Щедро.

Ленты звякнули настойчивее. Сяо-Лань шагнула ближе. Вэй не отступил. Это тоже было почти событием — без фактического касания, конечно.

— Идём, инспектор. У нас сутки до закрытия бюро и семь дней до развода.

— Временного расторжения.

Красные ленты перестали звенеть.

Где-то высоко над мостом невидимая печать Неба тихо, совершенно непочтительно хихикнула.

А внизу Юйлань готовился к Фестивалю десяти тысяч помолвок. Судьбы продавались с фонарями, чужие мечты заворачивали в шёлк. И тот, у кого не было лица, уже знал: Ли Сяо-Лань и Вэй Жэнь теперь связаны достаточно, чтобы стать угрозой.

Глава 8. Семь дней до брачного аудита

Вэй Жэнь считал: всякая катастрофа становится управляемой, если изложить её в пунктах.

Временная помолвка с Ли Сяо-Лань изложению сопротивлялась.

Она сидела напротив него за столом Нефритового бюро и смотрела на чистый лист так, будто тот лично виноват в их положении. На её запястье поблёскивала красная лента семидневной помолвки. Стоило им разойтись дальше чем на два шага, она звенела с настойчивостью тётки на семейном совете. На его запястье лента вела себя так же.

— Договор необходим, — сказал Вэй.

— Мы уже подписали договор.

— Регистрационную форму. Она не регулирует бытовое поведение сторон.

— Ах, бытовое поведение. Кто из нас будет трагически вздыхать у окна?

— Никто.

— У вас хорошо получится.

Вэй обмакнул кисть в чернила.

— Пункт первый: соглашение регулирует поведение временно помолвленных сторон в период расследовательской задачи, связанной с Фестивалем десяти тысяч помолвок.

— Опасно. Если Небо услышит, снова поставит «сомнительно».

Нефритовая печать бюро фыркнула. Цикада № 108 вылезла на край чернильницы. Крылья после видения оставались темнее обычного, но служебная вредность восстановилась полностью.

Вэй продолжил: стороны не совершают действий, которые могут выглядеть как искреннее романтическое намерение; не держатся за руки без внешней необходимости; не произносят признаний, ревности, умиления и доверия сверх служебной необходимости.

— Третьи лица — это люди, духи, мебель, Небо, чиновники и тётушка Ма? — спросила Сяо-Лань.

— Все.

Шкаф скрипнул.

— Шкаф протестует.

— Нет.

Когда Вэй дошёл до запрета совместной лапши после заката, Сяо-Лань потянула лист к себе.

— Что вам сделала лапша?

— Совместная длинная лапша после заката может трактоваться как бытовое принятие общего будущего.

— Значит, лапша у вас опаснее меча.

— В некоторых делах — да.

Она приписала:

«Лапша допускается, если одна из сторон спасает жизнь, честь, дело, улику, духа, шкаф или настроение второй стороны. Лапша не считается романтической, если хотя бы одна сторона недовольна».

— Настроение не является объектом спасения.

— Вы никогда не видели человека до и после хорошей лапши.

— Дух и шкаф исключаются.

— Как налоги платить — субъект, как лапшу есть — нет, — возмутилась Цикада.

Сяо-Лань добавила ещё строку:

«Госпожа Ли Сяо-Лань сохраняет право насмехаться над временным женихом в пределах, не ведущих к утрате им служебной речи».

— Нет, — сказал Вэй.

— Да. Насмешки поддерживают моё здоровье.

— Ваше здоровье не требует ежедневного унижения инспектора.

Вэй посмотрел на неё. Она сидела среди бумаг, старых дел, чайных пятен и красной ленты на запястье так, будто всё это было естественной средой. На щеке — точка туши. Работая, она отодвигала чернильницу правее, чтобы Цикада не дотянулась, и ставила чашку ближе к краю стола, когда говорила резкие вещи, словно заранее освобождала место для удара, которого не наносила.

Он не должен был это замечать.

— Право насмешки ограничить тремя случаями в день.

После короткого спора они сошлись на трёх насмешках и одной внеплановой при чрезвычайной нелепости. Цикада потребовала скрепить соглашение пирожком. Вэй записал формулировку, стараясь не думать, что разрешил Ли Сяо-Лань насмехаться над ним по графику.

— Последний пункт. По завершении семи дней стороны расторгают временную помолвку без претензий, сожалений и романтических последствий.

Лента на его запястье потеплела.

— Она греется, когда вы говорите «без последствий», — сказала Сяо-Лань.

— Магические предметы реагируют на ключевые условия.

— Или на ложь.

— Вы считаете, я лгу?

Она прислушалась к чему-то в комнате. К нему. К себе. К воздуху между ними.

— Нет. Вы не лжёте. Вы составляете договор с будущим так, будто оно подчиняется печатям.

Вэй поставил точку.

— Будущее не подчиняется печатям. Но без печатей становится неразборчивым.

— Иногда в неразборчивом и есть жизнь.

Он не ответил. Красная лента светила мягким, насмешливым светом, а договор не успокаивал. Он только точнее показывал: некоторые вещи невозможно запретить пунктом.

Тётушка Ма начала урок влюблённости с того, что велела им встать ближе.

Они стояли в задней комнате чайной «Три развода и одно печенье», среди мешков с рисом, искусственных пионов и красной ленты на ширме: «Любовь любит естественность». Сяо-Лань подозревала, что тётушка Ма специально выбрала самую отвратительную надпись.

— На Фестивале вас проверят все, — сказала Ма. — Стражи ворот, свахи, торговцы судьбами, завистливые тётки и дети с сахарными палочками. Дети особенно опасны. Они видят, когда взрослые держатся за руки как два мокрых документа.

— Мы можем ограничиться официальной легендой, — сказал Вэй.

— Официальная легенда годится для окна. Для толпы нужна кожа. Привычка стоять рядом. Понимание, где у второго локоть. Способ смотреть не как на подозреваемого.

Ма ткнула веером в их руки.

— Возьмитесь.

— Договор запрещает незарегистрированные прикосновения, — сказал Вэй.

— Зарегистрируйте: учебное прикосновение под надзором квалифицированной бывшей свахи.

— Ваша квалификация не подтверждена.

— Я развела восемьдесят четыре пары до свадьбы и спасла тридцать две после. Ещё вопросы?

Сяо-Лань протянула руку первой.

— Давайте, инспектор. В рамках снижения риска детской проницательности.

Он принял её ладонь так серьёзно, будто перед ним лежала печать Безымянного Свата. Потом взял — излишне официально, словно сопровождал свидетельницу через опасный коридор.

Ладонь у него была тёплой, сухой, с маленькой мозолью от кисти. Сяо-Лань неожиданно подумала, что чернила знают Вэй Жэня лучше, чем люди.

— Нет, — сказала тётушка Ма. — Ты держишь её так, будто собираешься передать в архив.

— В его защиту: он давно хотел.

Ма переставила их пальцы. Сяо-Лань едва не отдернула руку, когда ладонь Вэй легла иначе — теплее, естественнее, слишком заметно. Он тоже напрягся. Не от отвращения. От контроля.

— Уже меньше похоже на арест, — сказала Ма. — Теперь идите.

— Куда? — спросили они одновременно.

— По комнате. Медленно. Как люди, которые привыкли быть рядом.

Первые шаги напоминали совместное перемещение двух разных законов природы. Вэй подстраивал длину шага слишком явно, Сяо-Лань пыталась не смеяться, а ленты звенели при каждом неверном расстоянии.

— Не считайте шаги.

— Я не считаю.

— Считаете.

— Это привычка.

Ма остановила их:

— Теперь смотрите друг на друга.

Вэй немедленно посмотрел.

Плохо.

Он смотрел прямо, честно, сосредоточенно, будто Сяо-Лань была документом с невидимыми чернилами. От такого взгляда хотелось спрятаться за шутку или сказать правду.

— Не так, — сказала Ма. — Ты проверяешь, нет ли у неё незаконной души. Надо смотреть так, будто тебе приятно, что она стоит рядом.

— Это часть легенды?

— Это часть лица.

Сяо-Лань решила помочь. Улыбнулась не клиентской улыбкой и не той, которой доводила чиновников до сухого бешенства, а немного тепло, немного виновато, с настоящим вниманием.

Вэй перестал дышать на половину вдоха.

Совсем чуть-чуть.

Она заметила. И пожалела: его рука в её руке тоже изменилась. Не сжалась, не отдернулась — просто стала живой, а не служебной.

— Инспектор? — сказала она тише обычного.

— Да.

— Вы потеряли мысль?

— Нет.

— Какую именно не потеряли?

— Мы обсуждали необходимость корректной имитации эмоциональной близости.

— Пара с перспективой судебного спора, — сказала Ма. — Но уже лучше.

Сяо-Лань отвела взгляд первой.

Это было недопустимо. Обычно люди не выдерживали её взгляда, потому что боялись, что она услышит стрекот их лжи. Но сейчас стрекот молчал. Вэй не лгал себе. Он просто не понимал, что произошло.

Возможно, она тоже.

Дверь распахнулась.

На пороге стояла соседка из лавки старых зонтов, госпожа Цян. За её плечом маячили продавец каштанов, две прачки, мальчишка с голубыми и старик, который чинил вывеску напротив бюро, чтобы слушать чужие дела.

— Мы так и знали! — объявила госпожа Цян.

Сяо-Лань отпустила руку Вэя. Ленты возмущённо звякнули.

— Помолвлены!

— Временно, — сказал Вэй.

— По необходимости, — сказала Сяо-Лань.

— Ах, молодые. Всегда стесняются.

Тётушка Ма сложила веер.

— А вот теперь начался настоящий урок.

— Где познакомились? — спросила госпожа Цян.

— В Нефритовом бюро, — сказал Вэй.

Все разочарованно замолчали.

— Скучно, — протянул мальчишка.

Сяо-Лань почувствовала, как легенда умирает на столе, и поймала её за хвост.

— Он пришёл закрыть моё бюро.

Прачки ахнули.

— Это не улучшает легенду, — сказал Вэй.

— Молчи, жених, я спасаю нашу фиктивную честь.

Сяо-Лань взяла чашку, чтобы занять руки.

— Он вошёл на семь ударов раньше. В белых рукавах, с красной печатью и лицом человека, который однажды оштрафовал собственную тень за неправильное положение. Я подумала: вот человек, способный разрушить мою жизнь без единой грамматической ошибки.

— Я не штрафовал собственную тень, — тихо сказал Вэй.

— Художественное допущение.

— А вы что подумали? — спросила госпожа Цян.

Вэй замер. Сяо-Лань ожидала «я зафиксировал нарушения» и приготовилась пнуть его под столом.

Но он посмотрел на неё. Не на соседей. Не на договор. На неё.

— Я подумал, что в этом бюро слишком много беспорядка.

Соседи застонали.

— Но, — добавил он. — В беспорядке были причины. Каждая бумага лежала не там, где должна была по форме, а там, где её могли найти в нужную минуту. Госпожа Ли отвечала резко, но не лгала. И защищала даже то, что по закону следовало изъять.

В чайной стало тише.

Вэй понял, что сказал слишком много, и выровнял голос:

— С профессиональной точки зрения это представляло интерес.

Мальчишка вздохнул:

— Почти получилось.

Сяо-Лань улыбнулась в чашку, чтобы никто не увидел, как странно стало внутри.

— Кто первый признался? — спросила прачка.

— Никто, — одновременно сказали Сяо-Лань и Вэй.

— Значит, скрывают!

Цикада высунулась из булавки.

— Прошу зафиксировать: признаний не было, но налоговая перспектива тревожная.

— А это кто?

— Семейный дух, — мгновенно сказала Сяо-Лань.

— Нематериальная сотрудница с временно расширенным брачным функционалом, — уточнила Цикада.

Вэй закрыл глаза.

— Почему жених такой несчастный? — спросил старик.

— Я не несчастен, — сказал Вэй.

Все посмотрели на него с жалостью.

— Он не несчастный, — сказала Сяо-Лань. — Осторожный. В его жизни всё имеет форму, срок и печать. А тут я.

— То есть беда, — сказала госпожа Цян.

— Стихийное бедствие с лицензией в процессе проверки.

Вэй неожиданно сказал:

— Не бедствие.

Она повернулась к нему.

Он смотрел на край стола.

— Скорее обстоятельство, не предусмотренное исходной процедурой.

Тётушка Ма поперхнулась чаем. Госпожа Цян прижала ладони к груди.

— Как красиво!

— Это не было романтическим высказыванием, — сказал Вэй.

— Тем хуже для вас, — сказала Ма. — Романтика часто происходит без разрешения автора.

Сяо-Лань поняла: ещё немного, и соседи поженят их до конца недели без всякого Фестиваля.

— Мы временно помолвлены, чтобы попасть туда, куда одиночек не пускают, — сказала она. — Тот, у кого не было лица, подделывает признания, продаёт людям чужие мечты и ставит печати на тех, кто решается сказать «нет». Это дело, а не любовная история.

Госпожа Цян кивнула.

— Конечно. Ради дела.

По её лицу было ясно: она не поверила ни одному слову, кроме «помолвлены».

На столе что-то шевельнулось.

Красная карточка временной помолвки выползла из рукава Сяо-Лань, развернулась и вспыхнула золотыми буквами.

— О нет, — сказал Вэй.

Буквы сложились в строку:

«Городская Книга Помолвок приняла легенду сторон».

Вторая строка:

«Первая встреча: бюро, семь ударов до проверки, взаимное подозрение, признанное судьбоносным».

Третья:

«Статус: спорная пара с высоким уровнем конфликтной совместимости».

В чайной наступила тишина. Потом соседи взорвались восторгом.

Вэй схватил карточку.

— Невозможно. Для записи в Книгу требуется официальное подтверждение легенды обеими сторонами.

Сяо-Лань вспомнила его слова: «В беспорядке были причины». И свои: «способный разрушить мою жизнь без единой грамматической ошибки».

— Кажется, мы подтвердили.

— Мы давали показания соседям, а не Книге.

— У вас в мире это, видимо, одно и то же.

Карточка снова вспыхнула:

«Дополнительная пометка: стороны отрицают эмоциональную значимость записи. Отрицание учтено как ожидаемое».

Цикада рухнула на стол от счастья.

— Книга умнее договора!

Сяо-Лань забрала карточку у Вэя. Их пальцы едва не соприкоснулись. Ленты тихо звякнули, но не предупредительно — скорее удовлетворённо.

— Инспектор, — сказала она, стараясь не смеяться. — Поздравляю.

— Не надо.

— Наша ложь стала городской правдой.

— Это осложняет расследование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.